

«СМЕШНО, ТРОГАТЕЛЬНО
И НЕПРЕДСКАЗУЕМО».
ДЖОДЖО МОЙЕС,
АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА
«ДО ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ»

ЭЛЕАНОР ОЛИФАНТ

В ПОЛНОМ ПОРЯДКЕ

ГЕЙЛ ХАНИМЕН

Вкус к жизни

Гейл Ханимен

**Элеанор Олифант
в полном порядке**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Ханимен Г.

Элеанор Олифант в полном порядке / Г. Ханимен —
«Издательство АСТ», 2017 — (Вкус к жизни)

ISBN 978-5-17-104302-5

Элеанор Олифант в полном порядке: она работает бухгалтером, по выходным выпивает, а по средам беседует с мамочкой, которая находится далеко. Элеанор не везет: ее окружают непримечательные люди с примитивными вкусами и бедным словарным запасом (так ей, по крайней мере, кажется). Но все меняется, когда, отправившись однажды на концерт, она видит элегантно одетого рок-музыканта. Элеанор сразу понимает: это Он. Правда, пока она готовится к знаменательной встрече, ей приходится довольствоваться куда более скромной компанией. Элеанор Олифант в полном порядке. Так она говорит окружающим. Вот только она старается не вспоминать о прошлом и спасается водкой от бессонницы. Постепенно забавный рассказ о жизни социально неадаптированной женщины превращается в грустную, трогательную историю о детской травме, любви и одиночестве. В историю, которая никого не оставит равнодушным.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-104302-5

© Ханимен Г., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Хорошие Времена	6
1	6
2	10
3	19
4	22
5	25
6	31
7	38
8	44
9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Гейл Ханимен

Элеанор Олифант в полном порядке

Gail Honeyman
ELEANOR OLIPHANT IS COMPLETELY FINE

© Gail Honeyman, 2017
© Липка В., перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018
Cover illustration © Gett y Images

* * *

Посвящается моей семье

...Одиночество характеризуется ярко выраженным стремлением человека побыстрее положить ему конец; этого нельзя достичь просто за счет силы воли или более частых появлений в людных местах, но только с помощью установления тесных межличностных связей. Это гораздо легче сказать, чем сделать, особенно тем, чье одиночество возникло из-за потери, или изгнания, или предубеждения, тем, у кого есть причина бояться или не доверять всему, что касается общества других.

...Чем более одиноким становится человек, тем сложнее ему ориентироваться в социальных потоках. Одиночество обволакивает его, будто плесень или мех, предотвращая любые контакты, как бы сильно человек их ни желал. Одиночество разрастается вглубь, вишь и стремится жить вечно. Стоит ему укрепиться, как избавиться от него становится очень нелегко.

Оливия Лэнг «Одинокий город»

Хорошие Времена

1

Когда окружающие – например, водители такси или дантисты – спрашивают меня, чем я зарабатываю на жизнь, я отвечаю, что работаю в офисе. За девять лет никто еще не поинтересовался, в каком именно – или в чем конкретно заключается моя работа. Я не могу понять: то ли я для них выгляжу как типичный офисный сотрудник, то ли, услышав фразу «работаю в офисе», они додумывают все остальное: кто-то размножает документ на ксероксе, кто-то стучит по клавиатуре. Я не жалуясь. Я довольна, что мне не нужно пускаться в захватывающие хитро-сплетения объяснений, приемлемых для них. Когда я только начала работать в этом месте, в ответ на расспросы я говорила, что работаю в компании, занимающейся графическим дизайном. Но тогда меня принимали за творческую личность. Было немного утомительно смотреть, как вытягивались лица собеседников, когда я объясняла, что выполняю лишь второстепенные функции и никогда не пользуюсь ни остро заточенными карандашами, ни крутым программным обеспечением.

Сейчас мне почти тридцать, я работаю здесь с двадцати одного года. Боб, владелец фирмы, взял меня вскоре после ее открытия. Думаю, из жалости. Я получила диплом по классической филологии, у меня не было опыта работы, а на собеседование я явилась с синяком под глазом, парой выбитых зубов и сломанной рукой. Вполне возможно, Боб уже тогда предвидел, что я всегда буду довольствоваться плохо оплачиваемой должностью, никогда не претендуя ни на что большее и не доставляя ему хлопот по поиску замены. Возможно, он смог предугадать, что я никогда не возьму отпуск, чтобы провести медовый месяц, и не уйду в декрет. Не знаю.

У нас в офисе определено двухуровневая система: творческие личности – кинозвезды, все остальные – массовка. Чтобы сказать, кто к какой категории относится, достаточно одного взгляда. На самом деле, в значительной степени это определяется зарплатой. Операционному отделу платят жалкие гроши, поэтому мы не можем позволить себе ни модных стрижек, ни задротских очков. Одежда, музыка, гаджеты – наши дизайнеры до жути хотят, чтобы их считали свободомыслящими уникалами с неповторимыми идеями, но при этом все они строго придерживаются одного стиля. Меня графический дизайн не интересует. Я занята в финансовом секторе и могла бы выписать счет-фактуру на что угодно: оружие, флуниотразепам или кокосы.

С понедельника по пятницу я приезжаю на работу в половине девятого утра. Час трачу на ланч. Раньше я сама делала себе сэндвичи, но у меня дома продукты всегда портились до того, как я успевала их доест, поэтому сейчас я беру что-нибудь на главной улице. В пятницу, в ознаменование удачного завершения рабочей недели, в обед я всегда устраиваю поход в «Маркс и Спенсер». Потом усаживаюсь в комнате отдыха с сэндвичем в руке, прочитываю газету от корки до корки и принимаюсь за кроссворды. Я покупаю «Дэйли Телеграф» – не потому, что она мне так уж нравится, а потому что в ней они лучше всего. Ни с кем не разговариваю: пока я успеваю купить бизнес-ланч, дочитать газету и разгадать оба кроссворда, перерыв подходит к концу. Я возвращаюсь за свой стол и работаю до половины шестого. Поездка домой на автобусе занимает полчаса.

Слушая «Арчеров»¹, готовлю ужин и съедаю его. Обычно это спагетти с соусом песто и салат – одна сковородка и одна тарелка. Мое детство было наполнено кулинарными противоречиями: в течение многих лет меня кормили то выловленными вручную морскими гробешками, то полуфабрикатом из трески.

После долгих размышлений о политических и социологических аспектах питания, я пришла к выводу, что еда меня совершенно не интересует. Я отдаю предпочтение дешевому корму, который можно легко и быстро добыть и приготовить, при этом обеспечивая организм всеми необходимыми для поддержания жизни нутриентами.

Вымыв посуду, я читаю книгу или смотрю телевизор, если там показывают какую-то передачу, которую в этот день порекомендовал «Телеграф». Обычно (ладно, всегда) разговариваю с мамочкой вечером по средам в течение пятнадцати минут или около того. Ближе к десяти ложусь в постель, полчаса читаю и выключаю свет. Засыпаю, как правило, без проблем.

По пятницам после работы я не сразу иду на автобусную остановку, а сначала направляюсь в супермаркет «Теско» за углом и покупаю пиццу «Маргарита», немного «Кьянти» и две большие бутылки водки «Глен'з». Когда прихожу домой, съедаю пиццу и выпиваю вино. Потом добавляю немного водки. В пятницу мне много не надо, лишь каких-то пару глотков. Обычно в три часа ночи я просыпаюсь на диване и бреду в кровать. Оставшуюся водку выпиваю в течение выходных, растягивая на два дня так, чтобы не быть ни пьяной, ни трезвой. Время до понедельника тянется долго.

По телефону мне звонят редко – от его звука я подпрыгиваю, – чаще всего только для того, чтобы поинтересоваться, не всучили ли мне по ошибке страховку по выплате кредитов. Я шепчу им: «Я знаю, где вы живете», – и очень, очень аккуратно кладу трубку. Если не считать всякого рода работников, в последний год в моей квартире не было никого – я очень неохотно пускаю других представителей рода человеческого на порог, разве что им нужно снять показания счетчика. Думаете, так быть не может, да? И все же это правда. Я же ведь существую, не так ли? Хотя порой мне действительно кажется, будто меня нет, будто я лишь плод собственного воображения. Временами связь с землей ощущается настолько слабо, что нити, соединяющие меня с этой планетой, становятся тонкими, как паутина. Мощный порыв ветра мог бы сорвать меня, я взмыла бы в воздух и улетела, словно былинка одуванчика.

С понедельника по пятницу эти узлы немного крепчают. В офис без конца звонят клиенты, чтобы обсудить очередной кредитный лимит, и присылают электронные письма с подробностями контрактов и смет. Если я не приду, коллеги – Джейни, Лоретта, Бернадетта и Билли – сразу это заметят. Через несколько дней (я часто задавалась вопросом, через сколько именно) они забеспокоятся, почему я не позвонила и не сообщила, что заболела (это на меня непохоже), а потом откопают в базе данных сотрудников мой домашний адрес. Думаю, в конечном итоге они обратятся в полицию, правда? И что же, полицейские выломают входную дверь? Обнаружат меня и прикроют лица, задыхаясь от вони? В офисе это даст пищу для разговоров. Они меня ненавидят, но моей смерти все же не желают. Я, по крайней мере, думаю так.

Вчера я ходила к врачу. Кажется, что с тех пор прошла целая вечность. На этот раз мне достался доктор помоложе – бледный и рыжеволосый мальчик, – чем я была весьма довольна. Чем они моложе, тем свежее их знания и навыки, и это всегда преимущество. Ненавижу попадать к доктору Уилсон. Ей около шестидесяти, и мне трудно себе представить, что она что-то знает о новых лекарствах и открытиях в медицине. Она и с компьютером-то с трудом управляется.

¹ «Арчеры» – самая продолжительная радиопостановка за всю историю британского вещания. Насчитывает более 18 250 эпизодов.

Доктор, как они обычно это делают, разговаривал со мной, но при этом смотрел на экран, читая историю болезни и все яростнее тыча в клавишу ввода по мере продвижения вперед.

– Чем могу быть полезен, мисс Олифант?

– У меня болит спина, доктор, – сказала я, – я очень мучаюсь.

Он по-прежнему на меня не смотрел.

– Как давно у вас боли?

– Пару недель.

Он кивнул.

– Я думаю, я знаю, в чем причина, – сказала я, – но мне хотелось бы услышать ваше мнение.

Он наконец перестал читать и скользнул по мне взглядом.

– Что же, по-вашему, вызывает у вас боли в спине, мисс Олифант?

– Думаю, доктор, это груди, – сказала я.

– Грудь?

– Ну да, – продолжала я, – понимаете, я взвесила их, и они потянули на три килограмма – конечно, не каждая по отдельности, а вместе! – я засмеялась.

Он смотрел на меня в упор и не смеялся.

– Вес немалый, чтобы постоянно его на себе таскать, правда? – сказала я. – Подумайте сами: если вам к груди привязать три килограмма лишней плоти и заставить их на себе носить, ваша спина тоже заболит, разве нет?

Все так же неподвижно глядя на меня, он откашлялся.

– А как... как вы...?

– Кухонные весы, – сказала я, понимающе кивнув, – просто положила на чашу. Я не стала взвешивать обе, сделав допущение, что они приблизительно одной массы. Я понимаю, это не совсем научный подход, но...

– Я выпишу вам еще болеутоляющего, мисс Олифант, – перебил он и склонился над клавиатурой.

– Но на этот раз посильнее, – твердо сказала я, – и побольше. Раньше от меня пытались отделаться крохотными дозами аспирина. Но теперь у меня в запасе должно быть высокоэффективное средство. Не могла бы я вас заодно попросить выписать препарат от экземы? У меня такое ощущение, что в моменты стресса или радостного возбуждения она значительно обостряется.

Мою вежливую просьбу он даже не удостоил ответом и лишь кивнул. Мы хранили молчание, пока принтер выплевывал рецепты и предписания, которые затем врач протянул мне. Он опять уткнулся в экран и забарабанил по клавишам. Повисла неловкая пауза. Да, его социальные навыки удручающе непрофессиональны, особенно для такой работы, где приходится иметь дело с людьми.

– Ну что же, до свидания, доктор, – сказала я, – огромное спасибо, что уделили мне время.

Мой подчеркнуто вежливый тон явно не произвел на него впечатления. Он неподвижно застыл, углубившись в свои записи. Что делать, у молодых врачей тоже есть недостаток: неумение разговаривать с пациентами.

Это было вчера утром, в другой жизни. А сегодня, в нынешней, автобус на приличной скорости нес меня в офис. Шел дождь, окружающие, съезжившись в своих пальто, выглядели несчастными, от их несвежего утреннего дыхания запотевали окна. Жизнь искрилась мне навстречу каплями дождя на стекле, ласково мерцая над спертой духотой промокших ног и сырой одежды.

Я всегда гордилась, что справляюсь в этой жизни одна. Я одинокий боец – я Элеанор Олифант. Мне больше никто не нужен, в моей жизни нет зияющей брешки, и все фрагменты моего пазла на месте. Я вещь в себе. Вот что я себе всегда говорила, во всех ситуациях.

Однако вчера вечером я встретила любовь всей своей жизни. Как только он вышел на сцену, все сразу стало ясно. Он был в удивительно стильной шляпе, но привлекла меня совсем не она. Нет, я не настолько поверхностна. На нем был костюм-тройка, *и нижняя пуговица жилета была расстегнута*. Настоящий джентльмен всегда оставляет нижнюю пуговицу жилета расстегнутой, говорила мамочка. Это одна из вещей, на которые нужно обращать внимание, они выделяют элегантного, утонченного мужчину соответствующей классовой принадлежности и социального статуса. Его красивое лицо, его голос... наконец передо мной стоял мужчина, которого не без уверенности можно было описать как «подходящий вариант».

Мамочка будет в восторге.

2

В офисе витал дух пятничного веселья. Все, будто сговорившись, делали вид, что выходные почему-то будут замечательными и что на следующей неделе на работе все будет по-другому, лучше. Время их ничему не учит. Вот для меня все действительно изменилось. Я спала плохо, но, несмотря на это, чувствовала себя хорошо, еще лучше, замечательно. Говорят, что когда встречаешь «того самого», то просто знаешь – это Он. Так оно все и было, вплоть до того, что по велению судьбы он встретился мне в четверг вечером, и теперь меня ждали долгие, заманчивые, многообещающие выходные.

Один из наших дизайнеров сегодня как раз работал последний день, и мы, как обычно, намеревались отметить это событие дешевым вином и дорогим пивом, закусывая их наваленными в глубокие тарелки чипсами. Если повезет, все начнется рано, я смогу показаться и все-таки уйти вовремя. Сегодня мне просто необходимо пройтись по магазинам до их закрытия. Я толкнула перед собой дверь и вздрогнула от холодного воздуха кондиционера, несмотря на то что на мне была моя телогрейка. Билли был в центре внимания. Сам он стоял ко мне спиной, остальные, слишком поглощенные его словами, тоже не заметили, как я вошла.

– Она чокнутая, – сказал он.

– Мы в курсе, что она чокнутая, – сказала Джейни, – никто в этом никогда и не сомневался. Вопрос лишь в том, что она сделала на этот раз.

Билли фыркнул.

– Выиграла билеты и пригласила меня на этот идиотский концерт!

Джейни улыбнулась.

– А, эта ежегодная лотерея говнохалявы от Боба. Первый приз – два билетика, второй – четыре...

– Вот-вот, – вздохнул Билли. – Не четверг, а недоразумение: благотворительная вечеринка в пабе с командой маркетологов нашего крупнейшего клиента в главных ролях, плюс неловкие выходки их друзей и членов семьи. И в довершение всех бед – она!

Все засмеялись. Я не могла не согласиться с его мнением: вечер не был похож на пышный блистательный бал в духе Великого Гэтсби.

– В первой половине выступала одна очень даже неплохая группа – какой-то Джонни и «Первые Пилигримы», – сказал он. – В основном они играли свои песни, но было и несколько каверов на старую классику.

– Я знаю его, это Джонни Ломонд! – воскликнула Бернадетта. – Он учился вместе с моим старшим братом, а когда мама с папой уехали на Тенерифе, явился к нам на вечеринку вместе с другими приятелями из старших классов. Насколько я помню, кончилось все тем, что в ванной засорилась раковина.

Я отвернулась, не желая слушать о его оплошностях в молодости.

– Ну так вот, – продолжал Билли (я давно заметила, что он не любит, когда его перебивают). – Ей просто совершенно не понравилась эта группа. Ее будто заморозили: сидела не шевелясь, не хлопала, вообще ничего не делала. А как только они закончили, заявила, что ей пора домой. Даже не дождалась перерыва. В итоге мне пришлось до конца сидеть там одному, как будто я лузер без друзей.

– Какая досада, лузер, – Лоретта толкнула его в бок, – ты ведь наверняка хотел после вечеринки сводить ее куда-нибудь выпить, а может, потанцевать.

– Очень смешно, Лоретта. Нет, она сорвалась, как комета, – и наверняка устроилась в кровати с чашкой какао и журналом «Женские секреты» еще до того, как концерт закончился.

– Ой, – произнесла Джейни, – я не думаю, что она читает «Женские секреты». Это должно быть что-то гораздо более странное и неожиданное. «Спутник рыболова» или «Дом-фургон».

– «Золотой мустанг», – твердо заявил Билли, – она получает его по подписке.
Все захихикали.
На самом деле, даже я засмеялась.

Минувшим вечером я ничего такого не ожидала, и от этого произошедшее потрясло меня еще больше. Я принадлежу к тем, кто любит все надлежащим образом спланировать, заранее подготовить и организовать. А *это* возникло из ниоткуда. Мне будто дали пощечину, саданули под дых, обожгли.

Билли я пригласила на концерт главным образом потому, что он в нашем офисе самый младший и в силу возраста, как мне показалось, должен любить музыку. При мне коллеги отпускали в его адрес по этому поводу шуточки, полагая, что я ушла на обед. Я ровным счетом ничего не знала о концерте, ни разу не слышала приглашенных групп и отправилась туда только из чувства долга, потому что выиграла билеты в благотворительную лотерею и знала, что коллеги потом обязательно будут расспрашивать, как все прошло.

Я тянула кислотоватое белое вино, теплое и с привкусом пластиковых стаканчиков, в которых подавали напитки в этом заведении. За каких дикарей они нас принимают? Билли проявил настойчивость и заплатил за меня в благодарность за приглашение. Не было никаких сомнений в том, что это не свидание. Сама мысль об этом была нелепой.

Свет погас. Билли не хотел смотреть музыкантов на разогреве, но я проявила твердость. Никогда не знаешь, кто сейчас выйдет на сцену и станет творить, никто не может дать гарантии, что перед тобой не восходящая звезда. Вот в этот момент и появился *он*. Я не сводила с него глаз. Он был весь свет и тепло. Он сиял. Все, к чему он прикасался, претерпевало изменения. Я выпрямилась на стуле и подалась вперед. Ну наконец-то. Я его нашла.

Теперь, когда судьба приоткрыла завесу над будущим, я была просто *обязана* узнать о нем больше. Поэтому перед тем как начать борьбу с кошмаром, называемым ежемесячным отчетом, я решила быстро глянуть сайты универсальных магазинов, чтобы посмотреть, сколько может стоить компьютер. Думаю, можно было бы прийти на работу в выходной и воспользоваться одним из офисных, но существовал немалый риск того, что там окажется кто-то еще и заинтересуется, что я делаю. Не то чтобы это запрещено, но моя личная жизнь никого не касается, к тому же мне не хотелось бы объяснять Бобу, как я, работая даже в выходные, так и не разгребла огромную кучу счетов, ждущую своего часа. К тому же дома параллельно можно было бы делать и другие дела, например, приготовить на пробу что-нибудь для нашего первого совместного ужина. Когда-то мамочка говорила мне, что мужчины просто без ума от слоеных пирожков с мясом. Путь к сердцу мужчины, сказала она, лежит через испеченные собственноручно пирожки – слоеное тесто и мясо хорошего качества. Но я в последние годы ничего, кроме макарон, не готовила. Я никогда не пекла пирожки с мясом. Но я не думаю, что это так уж трудно. Это всего лишь тесто и фарш.

Я включила свой компьютер и ввела пароль, но он вдруг завис. Я выключила его и включила опять, однако на этот раз дело даже не дошло до пароля. Досадно. Я отправилась на поиски Лоретты, нашего офис-менеджера. Она чересчур высокого мнения о своих административных способностях, а в свободное время мастерит уродливые украшения и потом продает их всяким идиотам. Я сказала, что у меня сломался компьютер и что связаться с нашим системным администратором Дэнни мне не удалось.

– Дэнни у нас больше не работает, Элеанор, – сказала она, не отрывая от монитора глаз, – вместо него теперь другой парень, Рэймонд Гиббонс? Мы взяли его месяц назад?

Она произнесла это таким тоном, будто я должна была об этом знать. Все так же не глядя на меня, Лоретта написала его полное имя и добавочный телефон на стикере и протянула его мне.

– Большое спасибо, Лоретта, – сказала я, – ты, как всегда, оказала мне огромную услугу.

Она, конечно же, пропустила мои слова мимо ушей.

Я набрала номер, но услышала лишь автоответчик: «Привет, Рэймонд здесь, но его *нет*. Он как кот Шредингера. Оставьте сообщение после короткого сигнала. Пока!»

Я с отвращением покачала головой, после чего медленно и внятно продиктовала:

«Доброе утро, мистер Гиббонс. Это мисс Олифант из финансового отдела. У меня сломался компьютер, и я была бы чрезвычайно признательна, если бы вы сегодня пришли и посмотрели, нельзя ли его починить. Если вам нужны дополнительные подробности, можете позвонить мне по добавочному пять-три-пять. Заранее вас благодарю».

Я надеялась, что мое лаконичное, предельно ясное сообщение он воспримет в качестве примера для подражания. Я подождала десять минут, наводя на столе порядок, но он все не звонил. Потом еще два часа разбирала бумаги, а по прошествии этого времени, так и не получив от мистера Гиббонса никаких вестей, решила раньше обычного уйти на обед. Мне пришло в голову, что мне следует физически подготовиться к потенциальной встрече с музыкантом и несколько усовершенствовать себя. Но где начать себя переделывать – снаружи или внутри? Я мысленно составила в голове перечень процедур индустрии красоты, через которые придется пройти: волосы (на голове и теле), ногти (на пальцах рук и ног), брови, целлюлит, зубы, шрамы... все это необходимо было привести в порядок, удалить, обновить, улучшить. В итоге я все же решила начать снаружи и постепенно двигаться внутрь – в конце концов, в природе чаще всего происходит именно так. Сбрасывание старой кожи, возрождение. Животные, птицы и насекомые способны навести на очень правильные мысли. Если я сомневаюсь, как следует поступить, я спрашиваю себя: «А что на моем месте сделал бы хорек?» или «А как в подобной ситуации поступила бы саламандра?». И обязательно нахожу верный ответ.

Каждый день по дороге на работу я проходила мимо салона «Джули’з Бьюти Баскет». На мое счастье, сегодня какая-то их клиентка отменила визит и у них для меня нашлось окно. Меня примет Кайла, это займет порядка двадцати минут и обойдется мне в сорок пять фунтов. Сорок пять! Однако, когда Кайла повела меня в один из кабинетов на нижнем уровне, я напомнила себе, что *он* того стоит. Как и другие сотрудники салона, Кайла была одета в некое подобие белого хирургического халата и белые сабо. Мне эта псевдомедицинская униформа понравилась. Мы вошли в неприятно маленькую комнатку, в которую едва помещались лишь кушетка, стул и небольшой столик.

– Теперь вам надо снять... – сказала она и бросила взгляд на нижнюю половину моего туловища... – э-э-э... брюки, нижнее белье и лечь на кушетку. Хотите, оставайтесь ниже пояса обнаженной, или можете взять вот это.

С этими словами она положила на кушетку небольшой пакет.

– Накроетесь полотенцем, я вернусь через пару минут. Хорошо?

Я кивнула.

Как только за ней закрылась дверь, я освободила ноги от туфель и стащила брюки. А вот нужно ли оставлять носки? Взвесив все за и против, я пришла к выводу, что, видимо, нужно. Я сняла трусы и на мгновение задумалась, куда их девать. Размещать их так же, как и брюки, на стуле, где их кто угодно может увидеть, казалось не совсем верным, поэтому я аккуратно свернула их и сунула в сумку. Чувствуя себя неловко в таком оголенном виде, я взяла с кушетки пакет, открыла и вытряхнула из него содержимое: маленькие черные трусы в стиле, фигурирующем в каталогах «Маркс и Спенсер» как «танга», сшитые из той же фильтровальной бумаги, из какой делают чайные пакетики. Натянув их на себя, я обнаружила, что они слишком узкие и что моя плоть вываливается из них со всех сторон – спереди, сзади и по бокам.

Кушетка оказалась очень высокой. Под ней я обнаружила пластмассовую табуреточку, которой я воспользовалась, чтобы взобраться. Я легла. В изголовье кушетки лежало полотенце, ниже она была покрыта голубой эластичной простыней, какими пользуются и врачи. В ногах было сложено еще одно черное полотенце, которое я натянула на себя, чтобы прикрыться.

Черные полотенца внушили мне беспокойство. Какую грязь на них пытались скрыть, выбрав этот цвет? Я уставилась в потолок, сосчитала на нем лампочки, потом посмотрела по сторонам. Тусклое освещение не помешало мне углядеть на бледных стенах царапины. Кайла постучала в дверь и вошла – сама живость и приветливость.

– Ну, и что мы сегодня будем делать? – спросила она.

– Как я уже говорила, восковую эпиляцию в зоне бикини, пожалуйста.

– Да-да, простите, – улыбнулась она, – я имею в виду, какой вариант вас интересует?

Я немного подумала и сказала:

– Может, самый обычный воск... из которого свечи делают?

– Какую форму? – резко спросила она.

Тут она заметила выражение моего лица и стала терпеливо перечислять, загибая пальцы:

– Вы можете выбрать французскую, бразильскую или голливудскую.

Я опять задумалась, без конца прокручивая в голове эти три слова и пользуясь той же методикой, к которой прибегала, решая кроссворды, терпеливо дожидаясь, пока буквы выстроятся в нужном порядке. Французская, бразильская, голливудская... Французская, бразильская, голливудская...

– Голливуд, – наконец решила я, – Гольй Вуд, и я тоже голая...

Не обращая внимания на мои игры со словами, она убрала полотенце и протянула:

– Таааак... ну ладно...

Потом подошла к столу, выдвинула ящичек и что-то из него вытащила.

– Еще два фунта за стрижку, – сухо сказала она, надевая одноразовые перчатки.

Машинка зажужжала, я уставилась в потолок. Мне ни капельки было не больно! Закончив, она взяла щетку с густой щетиной и смахнула состриженные волосы на пол. Я почувствовала, что в душе поднимается волна паники. Войдя в комнату, я даже не посмотрела на пол. Неужели она то же самое делала и с другими клиентками? Неужели волосы с их интимной зоны теперь пристанут к подошвам моих носков в горошек? От этой мысли мне стало немного дурно.

– Ну вот, теперь лучше, – сказала она, – теперь я постараюсь сделать все как можно быстрее. Как минимум двенадцать часов после процедуры не применяйте в этом месте ароматические лосьоны, хорошо?

Она встряхнула баночку с воском, которая все это время нагревалась на столе рядом с кушеткой.

– Не волнуйтесь, Кайла, я не особенно увлекаюсь притираниями, – ответила я.

Она вытаращила на меня глаза. Я полагала, что у тех, кто занят в индустрии красоты, навыки общения должны быть развиты получше. У Кайлы с ними было почти так же плохо, как и у моих коллег.

Она отодвинула бумажные трусы и попросила меня туго натянуть кожу. Потом нанесла деревянной лопаточкой воск на мой лобок, вдавила в него полоску ткани, взяла ее за конец и резко дернула, одарив меня вспышкой отчетливой, резкой боли.

– *Morituri te salutant*², – прошептала я, когда глаза защипало от слез.

Так я всегда говорю в подобных ситуациях, и каждый раз эта фраза чрезвычайно меня бодрит. Я уже собиралась сесть, но Кайла мягко толкнула меня обратно на кушетку.

– Боюсь, это только начало, – радостно сказала она.

Боль – это просто. С болью я хорошо знакома. Я удалилась в небольшую белую комнатку в своей голове, комнатку цвета облаков. В ней пахнет хлопком и крольчатами. Воздух здесь

² Полностью фраза звучит «Ave, Caesar, morituri te salutant» и в переводе с латыни означает «Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя». Согласно римскому историку Гаю Светонию Транквиллу, при императоре Клавдии его приветствовали этой фразой гладиаторы, отправляющиеся на арену.

пропитан ароматом миндаля, играет чудесная музыка. Сегодня это «Вершина мира» в исполнении «Карпентерз». Этот изумительный голос... сколько же в нем благословения... сколько любви... Прекрасная, счастливая Карен Карпентер.

Кайла продолжала брать и драть. Потом попросила меня развести в стороны колени и соединить пятки.

– Как лягушка? – спросила я, но она проигнорировала меня, занятая работой, и стала отрывать волосы в самом низу.

Никогда бы не подумала, что это возможно. Закончив, Кайла попросила меня лечь нормально, сняла бумажные трусы, намазала на остатки волос горячий воск, вдавила еще одну полоску материи и победоносно ее отодрала.

– Ну вот, – сказала она, снимая перчатки и вытирая тыльной стороной ладони лоб, – так куда лучше!

После чего дала мне небольшое зеркальце, чтобы я могла на себя посмотреть.

– Но теперь там ничего нет! – в ужасе воскликнула я.

– Все правильно, это же «Голливуд», – ответила она, – как вы и просили!

Кулаки мои сжались, я недоверчиво тряхнула головой. Целью моего прихода было приобрести облик нормальной женщины, но уж никак не ребенка.

– Кайла, – сказала я, все еще не веря, что это правда со мной происходит, – тот, кто представляет для меня интерес, самый обычный взрослый мужчина. Он найдет удовольствие в совокуплении с обычной взрослой женщиной. Вы что, намекаете, будто он педофил? Как вы смеете?

Она в ужасе уставилась на меня. Ну все, с меня хватит.

– Пожалуйста, оставьте меня, мне нужно одеться, – сказала я, отворачиваясь к стене.

Когда за ней закрылась дверь, я спустилась с кушетки и натянула брюки, утешая себя мыслью, что к нашей первой интимной встрече волосы обязательно отрастут. Чаевых я не оставила.

К моменту моего возвращения в офис компьютер по-прежнему не работал. Я села, еще раз позвонила системному администратору Рэймонду, но вновь нарвалась на его несурзное сообщение на автоответчике. Я решила подняться наверх и отыскать его; судя по приветствию на голосовой почте, он наверняка принадлежал к тем, кто игнорирует телефонные звонки, просто сидит и ничего не делает. Как раз когда я отодвигала стул от стола, ко мне подошел какой-то мужчина. Он был почти с меня ростом, разве что чуть повыше, на нем были зеленые кроссовки, плохо сидящие джинсы и футболка с мультипликационным псом, разлегшимся на крыше конуры. Картинка туго обтягивала уже заявляющее о себе пивное брюшко. У него были пшеничные волосы, подстриженные коротко в попытке скрыть то обстоятельство, что они уже начали редеть, и такая же светлая, растущая клочьями щетина. Кожа на лице и теле – по крайней мере, доступная взору – была сплошь розовая. В голове всплыло слово: поросенок.

– Э-э-э... Олифант? – спросил он.

– Да, это я, Элеанор Олифант, – ответила я.

Он навис над столом и сказал:

– А я Рэймонд, сисадмин.

Я протянула ему руку, которую он в конце концов пожал, хотя и не очень уверенно. Еще одно свидетельство печального упадка современных нравов. Я подвинулась, давая ему возможность сесть рядом за стол.

– И в чем у нас проблема? – спросил он, вглядываясь в монитор.

Я объяснила.

– Окей! – ответил он и громко застучал по клавиатуре. Я взяла «Телеграф» и сказала, что буду в комнате отдыха: стоять рядом, пока этот Рэймонд чинил компьютер, не было никакого проку.

Сегодняшний кроссворд был составлен «Элгаром», неизменно использовавшим элегантные, красивые ходы. Постукивая кончиком ручки по зубам, я раздумывала о том, что же он мог упрятать на двенадцать по вертикали, но в этот момент, прервав плавное течение моих мыслей, размашистым шагом вошел Рэймонд.

– Кроссворд, да? – сказал он, заглядывая мне через плечо. – Никогда не видел в них смысла. Но я когда угодно готов играть на компе. Call of Duty, например...

Я проигнорировала его бессодержательную болтовню.

– Ну что, починили? – спросила я.

– Ага, – с довольным видом ответил он, – ты подхватила жуткий вирус. Я почистил жесткий диск и перезагрузил файрвол. В идеале тебе бы надо раз в неделю запускать сканирование системы.

Тут, видимо, он заметил мое недоуменное выражение лица.

– Пойдем, я покажу.

Мы двинулись по коридору. Пол под его отвратительными кроссовками противно скрипел. Он кашлянул и спросил:

– Так, значит, Элеанор... давно ты тут работаешь?

– Да, – ответила я, прибавляя шаг.

Он не отставал, но дыхания ему явно не хватало.

– Здорово, – он откашлялся, – а вот я пришел только пару недель назад. Раньше работал в «Сандерсонз». Это в центре. Слышала о них?

– Нет, – ответила я.

Когда мы подошли к моему столу, я села, а Рэймонд навис надо мной. От него пахло какой-то едой и немного сигаретами. Неприятная смесь. Он говорил, что надо делать, а я выполняла его инструкции, пытаясь сохранить все в памяти. К тому моменту, когда он закончил, я полностью исчерпала отведенный мне на этот день лимит интереса к техническим проблемам.

– Спасибо вам за помощь, Рэймонд, – сказала я с подчеркнутой вежливостью.

Он встал и махнул на прощание рукой. Я даже не думала, что на свете существуют мужчины, чья выправка столь далека от военной.

– Нет проблем, Элеанор. Увидимся!

«А вот это вряд ли», – подумала я, открывая таблицу с ежемесячным списком просроченных счетов.

Он ушел странной, танцующей походкой, неуклюже пружиня на ногах. Я давно заметила – так ходит много невзрачных мужчин, и никакие кроссовки здесь помочь не в состоянии.

Минувшим вечером на ногах моего певца были прекрасные кожаные броги. Он стоял у края сцены – высокий, элегантный, изящный. Трудно было поверить, что они с Рэймондом принадлежат к одному виду.

Я заерзала на стуле. *Внизу* пульсировала боль и начинался зуд. Наверное, все-таки нужно было надеть обратно трусы.

Прощальная вечеринка действительно началась в половине пятого. Когда Боб закончил свою речь, я усиленно захлопала в ладоши и воскликнула: «Именно! Именно! Bravo!» – чтобы все обратили на меня внимание. Без одной минуты пять я уже вышла из офиса и быстрым шагом – насколько позволяло жжение лишенного волос эпидермиса – направилась в торговый центр. В четверть шестого, слава богу, я уже была на месте. «Синица в руке», – думала я,

поскольку задача передо мной стояла крайне важная. Я направилась в первый попавшийся торговый центр и поднялась прямо в отдел бытовой электроники.

Там паялился на бесконечные ряды телевизоров с огромными экранами молодой человек в серой рубашке и ярком галстуке. Я подошла к нему и сообщила, что хочу приобрести компьютер. Это его как будто напугало.

– *Десктоп, ноутбук, планшет*, – нараспев протянул он.

Я понятия не имела, что он имеет в виду.

– У меня никогда не было компьютера, Лиам, – объяснила я, прочитав на бейджике его имя. – Я очень неопытный потребитель всякого рода техники.

Он судорожно дернул воротник рубашки, будто пытаясь освободить из оков свой непомерный кадык. Чем-то он напоминал то ли антилопу, то ли газель, словом, какое-то скучное бежевое животное с большими круглыми глазами по бокам головы. Животное, которое в конце концов всегда съедает леопард.

Начало было тяжелым.

– В каких целях вы собираетесь его использовать? – спросил он, не глядя на меня.

– Это абсолютно не ваше дело! – ответила я, оскорбленная до глубины души.

У него был такой вид, будто он вот-вот заплачет, и мне стало неловко. Парень просто еще очень молод. Я прикоснулась к его плечу, хотя вообще-то ненавижу это делать:

– Боюсь, я немного нервничаю... видите ли, мне в обязательном порядке необходимо выйти в Сеть в эти выходные.

Его перепуганное выражение никуда не девалось.

– Лиам, – медленно произнесла я, – мне всего лишь нужно приобрести компьютерное оборудование, которое я смогу использовать в располагающей обстановке моего частного жилища с целью выполнить некоторые интернет-исследования. Возможно, время от времени я буду отправлять электронные письма. И это все. У вас для меня есть что-нибудь подходящее?

Парень воздел к небу взор и глубоко задумался.

– Может, ноутбук с мобильным Интернетом? – сказал он.

Боже мой, ну зачем он меня спрашивает? Я кивнула и протянула ему мою кредитную карту.

Испытывая легкое головокружение от потраченной суммы, я вернулась к себе и обнаружила, что дома нет еды. В пятницу мне полагалось есть пиццу «Маргарита», но сегодня, впервые за всю мою жизнь, привычный порядок был нарушен. Я вспомнила, что в отсеке для кухонных полотенец лежит рекламная листовка, которую сунули в почтовый ящик некоторое время назад, без труда ее нашла и разглядела. В нижней части были расположены купоны с предложением скидки – к этому времени уже просроченные. Я решила, что цены с тех пор выросли, но предположила, что номер остался неизменным и что они все еще продают пиццу. Впрочем, даже старые цены показались мне просто смешными, и я даже посмеялась над ними. В супермаркете «Теско» пиццу можно купить за четверть этой цены.

Но я решила побаловать себя. Конечно, это была сумасбродная роскошь, но почему бы и нет? «В жизни всегда нужно пробовать что-то новое и раздвигать привычные границы», – напомнила я себе. Мужчина на противоположном конце провода сообщил, что пиццу привезут через пятнадцать минут. Я причесалась, сбросила шлепанцы и вновь надела туфли для работы. Интересно, а как они поступают с черным перцем? Неужели привозят с собой перцемолку? Ведь навряд ли курьер станет молоть перец и посыпать им пиццу прямо на пороге моей квартиры? Я включила чайник, на тот случай, если ему захочется выпить чашечку чая. По телефону они назвали мне стоимость заказа, я взяла деньги, положила их в конверт и написала на нем «Пицца Пронто». Адресом заморачиваться не стала. Подумала, не стоит ли дать немного чаевых, и пожалела, что рядом нет никого, кого бы можно было спросить. К мамочке за советом обращаться точно не стоило – она больше не решает, что ей есть.

Единственным недостатком в доставке пиццы было вино. «Алкоголь не доставляем», – сказал мне мужчина по телефону, причем голос его звучал удивленно. Странно: что может быть естественнее пиццы с вином? Я не представляла, как я теперь успею купить выпивку к пицце. А выпить мне было необходимо. Этот вопрос не давал мне покоя все время, пока я ожидала заказ.

В конечном итоге, вся эта история с доставкой меня крайне разочаровала. Парень просто сунул мне в руки большую коробку, взял конверт и грубо разорвал его прямо передо мной. Потом стал считать монеты и едва слышно процедил: «Твою мать!» В небольшом керамическом блюде у меня скопилось энное количество пятидесятипенсовых монет, и я подумала, что это прекрасная возможность от них избавиться. Для курьера я добавила одну лишнюю, но благодарности не услышала. Грубиян.

Сама пицца оказалась слишком жирной, а тесто – рыхлым и безвкусным. Я тут же решила больше никогда не заказывать ее на дом, и уж тем более когда буду с моим музыкантом. Если случится так, что нам вдруг захочется пиццы, а до «Теско» будет слишком далеко, у нас останется только два варианта. Первый: сесть в черное такси, отправиться в центр и поужинать в каком-нибудь милом итальянском ресторане. Второй: музыкант просто сам приготовит нам пиццу. Замесит тесто, растягивая и разминая его своими длинными, тонкими пальцами, пока оно не станет таким, как он хочет. Встанет у плиты, потушит помидоры с зеленью и превратит их в густой, наваристый соус, придав ему блеск оливковым маслом.

На нем будут самые старые, потертые и удобные джинсы, плотно обтягивающие стройные бедра, он станет помешивать соус, попутно тихо напевая своим восхитительным голосом и отбивая такт босой ногой. Соединив вместе все компоненты, он бросит сверху артишоки и ломтики фенхеля, поставит в духовку, придет ко мне в комнату, возьмет за руку и поведет на кухню. В центре стола будет стоять ваза с гардениями, огоньки свечей будут мерцать сквозь разноцветное стекло. С протяжным, греющим душу хлопком он медленно откупорит бутылку «Бароло», поставит ее на стол и пододвинет мне стул. Но прежде чем я сяду, он обнимет меня за талию и прижмет к себе с такой силой, что я почувствую, как пульсирует в нем кровь, вдохну сладкий и пряный запах его кожи и медовый аромат его дыхания.

Доев низкого качества пиццу, я бросила на пол коробку и стала прыгать на ней, стараясь смять до такой степени, чтобы она поместилась в мусорную корзину. И вдруг вспомнила о бренди. Мамочка всегда говорила, что бренди хорошо помогает при потрясениях, и несколько лет назад я на всякий случай купила бутылку. Я поставила ее в шкафчик в ванной вместе с остальными предметами чрезвычайной помощи. Я пошла за ней. Она притаилась за бинтами и фиксаторами запястья – целая бутылка «Реми Мартен», полная и даже нераспечатанная. Я отвинтила пробку и сделала глоток. С водкой не сравнить, но все же сойдет.

К ноутбуку я подходила с опаской – мне еще ни разу не доводилось настраивать новый компьютер, но это оказалось проще простого. Трудностей с мобильным Интернетом тоже не возникло. Я поставила ноутбук и бренди на кухонный стол, зашла в «Гугл», вбила в строку *его* имя, нажала клавишу ввода и закрыла руками лицо. Я подождала несколько секунд и осторожно взглянула сквозь пальцы. Сотни результатов! Поскольку это оказалось так просто, я решила просматривать страницы дозированно – в конце концов, впереди целые выходные и торопиться мне некуда.

Первая ссылка вывела меня на его собственный веб-сайт, полностью забитый фотографиями его и группы. Я прильнула к экрану – настолько близко, что буквально ткнулась в него носом. Нет, я не выдумала его, несколько не преувеличила масштаб его красоты. Следующая ссылка привела меня на его страницу в «Твиттере». Решив доставить себе удовольствие, я прочла три последних поста, из которых первые два оказались остроумными и колкими, а третий

поистине очаровательным. В нем он декларировал профессиональное восхищение каким-то музыкантом. Как он любезен.

Потом пришла очередь его «Инстаграма». Там он выложил почти пятьдесят фотографий. Я наугад щелкнула по одной из них – портрету крупным планом, на котором он выглядел естественным и расслабленным. Он обладал прямым римским носом с классическими пропорциями. Уши тоже были без изъяна – как раз нужного размера, с симметрично расположенными ушными раковинами. Светло-карие глаза. Им так же шел светло-карий цвет, как розе красный, а небу голубой. Их вполне можно было считать эталоном светло-карего.

Снимки на странице тянулись нескончаемыми рядами, поэтому мозг приказал пальцу нажать на клавишу и вернуться в поисковую систему. Я просмотрела остальные сайты, найденные «Гуглом». Там были видеозаписи их выступлений, выложенные на «Ютьюбе». Там были обзоры и статьи. И это только первая страница результатов поиска. Нужно будет непременно прочесть все материалы, которые удастся отыскать, и составить о музыканте точное представление – в конце концов, я многим могу дать фору в поиске информации и решении проблем. Нет-нет, это не хвастовство, а лишь констатация факта. Если ему суждено стать любовью всей моей жизни, то решение как можно больше о нем разузнать – самый что ни на есть здравый подход. Я взяла бутылку бренди, новый блокнот, ручку, позаимствованную в офисе, и перебралась на диван, готовая приступить к составлению плана действий. Бренди одновременно успокаивало и согревало, поэтому я продолжала потягивать его небольшими глотками.

Когда я в четвертом часу утра проснулась, ноутбук с ручкой валялись на полу. В голове медленно всплыло воспоминание о том, как по мере убывания в бутылке бренди я размечталась и совсем позабыла, что собиралась сделать. Ладони с тыльной стороны были изукрашены черным, сплошь испещрены *ego* именем, вписанным в сердечки. На руках не было ни сантиметра чистой кожи. В бутылке еще оставалось пару глотков бренди. Я прикончила его и пошла спать.

3

Почему он? Почему именно сейчас? В понедельник утром, стоя на автобусной остановке, я пыталась в этом разобраться. Это была непростая задачка. Кто, в конце концов, может понять, как работает судьба? Куда более великие умы, чем мой, пытались это сделать, но так и не смогли прийти ни к каким выводам. Вот он был передо мной, подарок богов – красивый, элегантный и талантливый. Одной мне было вполне хорошо, но надо было сделать все для спокойствия и счастья мамочки, чтобы она оставила меня в покое. Бойфренд – а может, даже и муж? – мог бы помочь. И это не потому, что *мне* кто-то был нужен. Я, как уже говорилось ранее, в полном порядке.

Внимательно проштудировав за выходные все доступные в Интернете фотоданные, я заключила, что в *его* глазах есть что-то особенно завораживающее. У меня они примерно того же оттенка, хотя даже близко не столь прекрасны, поскольку в них не содержится такой мерцающей медной глубины, как у него. Глядя на эти фотографии, я о ком-то вспомнила, но воспоминание было смутное, неясное, будто лицо, затянутое льдом или скрытое в дыму. Точно такие же глаза, как у меня – на маленьком лице, широко распахнутые, беззащитные и полные слез.

Как глупо, Элеанор. Досадно, что я, пусть даже на короткий миг, позволила себе поддаться сентиментальности. В конце концов, в мире полно людей, у которых такие же светлоскопические глаза, – это научно установленный факт. С точки зрения статистики, я неизбежно встречалась с кем-то из них взглядом в самой рутинной жизненной ситуации.

Но меня волновало и нечто другое. Все исследования показывают, что в партнеры мы выбираем себе тех, кто привлекателен примерно так же, как мы сами: как говорили римляне, подобный подобному радуется. Такова норма.

Никаких иллюзий я не питала. В плане внешности он тянул на десять баллов из десяти, в то время как я... даже не знаю, на сколько. Но не на десять, это точно.

Конечно же, я надеялась, что он не ограничится поверхностным впечатлением, заглянет глубже, но при этом понимала, что его профессия требует партнера, который будет выглядеть как минимум презентабельно. В шоу-бизнесе главное – визуальный образ, так что он не может появляться на людях с женщиной, чью наружность простак сочтут неподходящей. Я прекрасно это осознавала. Чтобы соответствовать ему, мне придется очень постараться.

Он выложил новые фотографии: два портрета в профиль, вид слева и справа. На обоих он выглядел совершенно, оба профиля были абсолютно одинаковы – он объективно, в буквальном смысле, не имел плохих сторон. Разумеется, симметрия – главный критерий красоты. Это еще один пункт, по которому ученые сошлись во мнениях. Интересно, каким должен быть набор генов, чтобы дать такое великолепное потомство? Есть ли у него братья или сестры? Если мы когда-нибудь будем вместе, я, вполне возможно, их увижу. Мои познания о семье и, в частности, о сиблингах весьма ограничены в силу... несколько нетрадиционного воспитания.

Мне жаль красивых людей. Как только человек обретает красоту, она тут же начинает ускользать, превращаясь в мимолетную иллюзию. Это должно быть нелегко: все время доказывать, что ты и сам чего-то стоишь, надеяться, что окружающие заглянут глубже и полюбят тебя самого, а не твоё великолепное тело, сияющие глаза и густые шелковистые волосы.

В большинстве профессий чем старше ты становишься, тем лучше выполняешь свою работу, приобретая уважение в силу своих лет и накопленного опыта. Но если работа связана с внешностью, все происходит с точностью до наоборот. Как же это печально. А еще, наверное, трудно терпеть злобу всех этих жестоких, завистливых, менее привлекательных людей, обиженных на твою красоту. С их стороны это в высшей степени несправедливо. В конце концов, красивые люди не просили делать их такими. Несправедливо не любить людей из-за привлекательности, так же как несправедливо не любить их из-за безобразия.

Меня ничуть не задевает, когда окружающие реагируют на мое лицо, выступающие белые контуры шрама, который тянется через всю правую щеку, начинаясь у виска и заканчиваясь на подбородке. На меня оглядываются, пялятся, обо мне перешептываются. Было утешительно думать, что он все поймет, ведь на него тоже без конца обращают внимание, хотя и совсем по другой причине.

Сегодня я воздержалась от «Телеграфа» в пользу другого материала для чтения и потратила просто неприличную сумму на небольшую подборку женских журналов – хлипких и аляповатых, толстых и блестящих. Каждый из них предлагал свой спектр чудес, простых, но обещающих переменить жизнь к лучшему. Раньше я никогда не приобретала подобные товары, хотя время от времени и листала, дожидаясь своей очереди в каком-нибудь учреждении или в приемной врача.

Я с разочарованием отметила, что нормальных кроссвордов в них нет. Только один предлагал сканворд о жизни звезд мыльных опер, который оскорбил бы даже интеллект семилетнего ребенка. За деньги, потраченные на эту маленькую стопку, можно было бы купить три бутылки вина или литр самой качественной водки. Тем не менее, после тщательных размышлений я все же пришла к выводу, что они представляют собой самый надежный и доступный источник требуемой информации.

Эти журналы расскажут мне, какую одежду и обувь носить и какую сделать стрижку, чтобы выглядеть надлежащим образом. Из них я узнаю, какую косметику необходимо купить и как ее использовать. Таким образом я растворюсь в толпе приемлемости. На меня больше не будут глазеть. Ведь моя конечная цель заключается в том, чтобы мимикрировать под самую обычную женщину.

Мамочка всегда называла меня страшной, уродливой, *мерзкой*. С самого раннего возраста, даже еще до того, как я приобрела шрамы. Поэтому я была рада, что предстоят перемены. Взволнована. Я – чистый холст.

Вечером, моя поврежденные руки, я посмотрела на себя в зеркало над раковиной. Вот я, Элеанор Олифант: длинные, прямые каштановые волосы до пояса, бледная кожа, лицо, изрезанное письменами огня. Слишком маленький нос и слишком большие глаза. Уши: ничего особенного. Примерно среднего роста и такого же среднего веса. Я изо всех сил стремлюсь во всем быть средней. Слишком уж часто на меня обращали внимание. Пожалуйста, проходите, здесь нет ничего интересного.

В зеркало, как правило, я гляжусь нечасто. Но шрамы тут абсолютно ни при чем. Дело в тревожащем меня наборе генов, который смотрит на меня оттуда. Я вижу слишком много мамочкиных черт. В своем лице я не могу разглядеть ничего от отца, потому что никогда его не видела, и, насколько мне известно, фотографий его не существует. Мамочка почти никогда о нем не упоминала, а в тех редких случаях, когда все же приходилось, называла не иначе как «донором гамет». После того как я нашла значение этого слова в «Новом кратком Оксфордском словаре английского языка» (от греческого *ὑμέτης*, то есть «муж», – может, это юношеское этимологическое приключение стало той искрой, которая воспламенила во мне любовь к классической филологии?), я в течение многих лет размышляла об этом странном стечении обстоятельств. Даже в столь нежном возрасте мне было понятно, что искусственное зачатие представляет собой антitezу необдуманной, спонтанной, незапланированной беременности, и что принять подобное тщательно взвешенное решение может только серьезная женщина, самоотверженно стремящаяся стать матерью. Опираясь на факты и мой собственный опыт, я просто не могла поверить, что мамочка относилась к их категории, что ей до такой степени хотелось ребенка. И, как выяснилось позже, была права.

В конечном итоге я набралась храбрости и напрямую потребовала рассказать об обстоятельствах моего создания и дать исчерпывающую информацию об этом мифическом доноре

сперматозоидов, моем отце. Как и любой другой ребенок на моем месте – а если учесть мои обстоятельства, может, даже больше, – в своем воображении я уже наделила моего отсутствующего родителя определенной внешностью и характером. Мама хохотала до упаду.

– Донор? – переспросила она. – Я что, в самом деле так сказала? Радость моя, это же просто *метафора!*

Еще одно слово, которое мне потом пришлось смотреть в словаре.

– Я просто хотела пощадить твои чувства. В некотором роде это донорство было... вынужденным, скажем так. У меня в этом деле не было выбора. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я ответила, что да, но я лукавила.

– А где он живет, мамочка? – спросила я, чувствуя прилив смелости. – Как выглядит, чем занимается?

– Как он выглядел, я не помню, – пренебрежительно ответила она скучающим тоном, – но от него исходил запах амбиций и сыра «Рокфор», если это тебе о чем-то говорит.

Мое лицо, по всей видимости, приняло озадаченное выражение, потому что она нагнулась ко мне и оскалила зубы.

– Подобно этому плесневому сыру, дорогуша, он вонял тухлятиной.

Она на несколько мгновений умолкла и вновь обрела привычное хладнокровие.

– Мне неизвестно, Элеанор, жив он или мертв. Если жив, то наверняка сколотил приличное состояние за счет сомнительных, безнравственных средств. А если мертв – на что я очень надеюсь, – то точно томится в седьмом круге ада и варится в реке из кипящей крови и огня под язвительные смешки кентавров.

В этот момент я поняла, что спрашивать, не осталось ли у нее фотографий, видимо, не стоит.

4

Вечер среды. Мамочкино время. Как бы я ни хотела обратного, ей, в конечном счете, всегда удавалось до меня добраться. Я со вздохом выключила радио, понимая, что теперь придется дожидаться воскресного выпуска, чтобы узнать, удачно ли созрел яблочный сидр Эдди Гранди. Меня пронзила вспышка отчаянного оптимизма. А если бы мне не нужно было с ней говорить? Если бы я заговорила с кем-нибудь еще, с кем угодно?

– Привет? – сказала я.

– Привет, золотце, это я. Какова погодка-то, а?

В том, что мою мать поместили в специальное учреждение, ничего удивительного нет: любой согласится, что с учетом характера совершенного ею преступления это было неизбежно. Но она зашла слишком, чересчур далеко, подражая интонациям и жаргону тех мест, где ее держали в заключении. Я предполагала, что это помогает ей ладить с ее сокамерниками, а возможно, и с персоналом. А может, она просто так развлекалась. Мамочка без труда копирует любой акцент, но она и вообще разносторонне одаренная женщина.

Я приготовилась к этому разговору и была начеку – в общении с ней без этого не обойтись. Она серьезный противник. Вполне возможно, что с моей стороны это было безрассудством, но я все же сделала первый шаг:

– Знаешь, мамочка, после нашего разговора прошла только неделя, но она показалась мне вечностью. У меня была куча работы, и я...

Она перебила меня – на этот раз сама вежливость – и стала говорить таким же нормальным языком, как и я. Этот голос... я помнила его с детских времен. Он и сейчас преследовал меня в кошмарах.

– Я знаю, что ты хочешь мне сказать, дорогуша, – произнесла она. Говорила она торопливо. – Послушай, я не могу долго разговаривать. Расскажи мне, как прошла неделя. Чем ты занималась?

Я рассказала, как ходила на концерт и как мы проводили того дизайнера. Но больше не сообщила ничего. При первых звуках ее голоса я почувствовала, как ко мне подкрадывается знакомый ужас. Мне так хотелось поделиться с ней последними новостями, бросить их к ее ногам, будто охотничий пес изрешеченную дробью птицу, но теперь я никак не могла избавиться от мысли, что она возьмет их и с невероятным спокойствием просто разорвет на куски.

– А, концерт... звучит замечательно. Я всегда была без ума от музыки. Знаешь, время от времени и у нас дают представления: некоторые местные обитательницы иногда исполняют песни в комнате отдыха, если придет настроение. Это действительно... весьма необычно.

Она на миг умолкла, и затем я услышала, как она на кого-то огрызается:

– Отзынь, Джоди. Я перетираю за жизнь со своей дочей и не собираюсь *завершить нашу беседу* из-за какой-то обоссанной шлюхи вроде тебя! – Повисла пауза. – Нет, а теперь отвали!

Она откашлялась.

– Прости, милая. Она из тех, кого называют торчками: вместе с друзьями с такими же пристрастиями ее поймали за присвоением парфюмерии. Представляешь, они украли «Полуночную жару» от Бейонсе, – мама вновь понизила голос. – Да, дорогуша, здесь собрались отнюдь не гении преступного мира. Думаю, профессор Мориарти пока может спать спокойно.

Она засмеялась хрустальным смехом, похожим на звон бокалов на коктейльной вечеринке, – словно персонаж Фитцджеральда, обменивающийся со своим визави остротами на увитой глициниями террасе. Я попыталась внести свой вклад в разговор:

– Так... как ты там, мамочка?

– Отлично, дорогуша, просто отлично. Я занялась «рукоделием»: несколько леди, славных и преисполненных самых благих намерений, учат меня вышивать подушечки. Мило с их стороны совершенно бесплатно тратить на меня свое время, правда?

Я представила в руках мамочки длинную, острую иглу и почувствовала, как вдоль позвоночника пробежала ледяная волна – сначала вверх, потом вниз.

– Но хватит обо мне, – произнесла она, и ее голос ожесточился, – я хочу послушать *тебя*. Что ты собираешься делать в выходные? Пойдешь танцевать? Или твой поклонник позвал тебя на свидание?

Сколько яда. Я постаралась держаться как ни в чем не бывало.

– Я провожу исследование для одного проекта, мамочка.

Дыхание ее участилось.

– В самом деле? Что за исследование – о *чем-то* или о *ком-то*?

Я не сдержалась. Я все рассказала:

– О ком-то, мамочка.

Она прошептала так тихо, что я едва могла разобрать ее слова:

– Вот оно как, у тебя, значит, что-то намечается, да? Ну давай, рассказывай, я вся внимание.

– Да пока нечего рассказывать, мамочка, – сказала я, бросив взгляд на часы, – просто я увидела одного человека... довольно милого... и теперь хочу о нем побольше разузнать.

Перед тем как набраться храбрости и представить ей на одобрение мое сверкающее новое сокровище, ситуацию нужно было подшлифовать и довести до совершенства. А пока пусть она меня отпустит, пусть все закончится, *пожалуйста*.

– Но это же чудесно! Элеанор, надеюсь, ты будешь держать меня в курсе этого проекта, – жизнерадостно сказала она. – Ты знаешь, как мне хотелось бы, чтобы ты нашла себе кого-то *особенного*. Кого-то *подходящего*. Мы с тобой много раз об этом говорили: я всегда считала, что ты много упускаешь, пока рядом с тобой нет важного для тебя человека. Хорошо, что ты наконец стала искать свою... вторую половину. В некотором роде, соучастника преступления.

Она негромко засмеялась.

– Мамочка, я не одинока, – запротестовала я. – Мне и так хорошо. Мне всегда было хорошо самой по себе.

– Но послушай, ты ведь не всегда была одна, разве нет? – произнесла она тихим, коварным голосом. Я почувствовала, как на шее сзади проступил пот, увлажняя волосы. – Впрочем, если тебе так легче, если это поможет тебе пережить эту ночь, убеждай себя в чем угодно, – со смехом добавила она.

Она умела повеселиться, хотя другие в ее компании смеялись редко.

– Ты всегда можешь говорить со мной о чем и о ком угодно, – вздохнула она. – Как же мне радостно тебя слушать, дорогуша... Ты, конечно, не поймешь, но узы между матерью и ребенком... как бы это лучше выразить... *нерушимы*. Мы с тобой навсегда связаны. Понимаешь, в твоих венах течет та же кровь, что и в моих. Ты выросла внутри меня, твои зубы, твой язык, твоя матка состоят из моих клеток и генов. И кто знает, сколько маленьких сюрпризов я оставила в тебе и какие коды я там запустила. Рак груди? Альцгеймер? Нужно всего лишь подождать. Девять месяцев, Элеанор, ты росла в моей утробе, в тепле и уюте. И как бы ты, дорогуша, ни пыталась от этого убежать, у тебя не получится. Не получится и все. Столь крепкую связь разорвать невозможно.

– Может и так, мамочка, а может и нет, – тихо сказала я.

Какая дерзость. Даже не знаю, как у меня хватило смелости. Во всем теле гулко стучала кровь, руки дрожали.

Она ответила, будто я ничего не говорила:

– Значит, будем на связи, договорились? Воплощай в жизнь свой проект, а я тебе через неделю в это же время позвоню. Ну все, давай. Мне пора бежать, пока!
Только когда стало тихо, я поняла, что плачу.

5

Наконец-то пятница. Когда я пришла в офис, коллеги уже толпились вокруг чайника и обсуждали мыльные оперы. Меня они не заметили. Я уже давно прекратила попытки завязать с ними любого рода беседу. Повесив свою телогрейку на спинку стула, я включила компьютер. Спала я плохо, будучи несколько расстроена разговором с мамочкой. Прежде чем браться за работу, я решила выпить чашку бодрящего чая. У меня есть своя кружка и ложка, которые я из соображений гигиены храню в ящике стола. Коллегам это кажется странным – во всяком случае, такой я сделала вывод на основании их поведения, – но при этом они с удовольствием пьют из грязных сосудов, небрежно вымытых непонятно кем. Для меня же недопустима сама мысль о том, чтобы погрузить в горячий напиток ложку, которую какой-то час назад облизывал чужой человек. Какая мерзость.

Я стояла у раковины, ожидая, пока закипит чайник, и стараясь не вслушиваться в их разговор. Потом для верности еще раз сполоснула заварной чайник горячей водой и погрузилась в приятные размышления о *нем*. Я гадала, что он делает в настоящую минуту, – возможно, сочиняет песню? Или все еще спит? Я попыталась представить себе, как его прекрасное лицо может выглядеть во сне.

Вода закипела, я налила кипятка в заварной чайник и насыпала «дарджилинг» первого сбора. Мысли по-прежнему были заняты предполагаемой красотой моего спящего трубадура. В них стали врываться инфантильные смешки коллег, но я заключила, что это связано с моим выбором напитка. Никогда не пробовав ничего лучшего, они довольствуются лишь тем, что опускают в чашку пакетик чая самого низкого качества, обваривают его крутым кипятком, а остатки вкуса отбивают ледяным, только из холодильника, молоком. При этом по какой-то непонятной причине, странной снова считаюсь я. Но если уж захотелось выпить чашечку чая, то почему бы не доставить себе максимальное удовольствие?

Они продолжали хихикать, Джейни начала что-то тихо насвистывать. Не было даже попытки зауалироваться, теперь они громко хохотали, а Джейни запела. И мелодия, и слова были мне совершенно незнакомы. Джейни замолчала, потому что из-за смеха больше не могла петь, но продолжала странно двигаться задом.

– Доброе утро, наш Майкл Джексон, – обратился ко мне Билли, – зачем тебе белые перчатки?

Так вот что послужило источником их веселья. Невероятно.

– Это из-за моей экземы, – произнесла я медленно и терпеливо, будто объясняя маленькому ребенку, – в среду вечером мне довелось здорово понервничать, кожа на правой руке очень воспалилась, и я надела эти хлопковые перчатки во избежание инфекции.

Смех тут же затих, повисла долгая пауза. Они молча переглянулись – как жвачные животные в поле.

Поскольку мне нечасто доводилось взаимодействовать с коллегами в столь непринужденной обстановке, я умолкла и задумалась, не воспользоваться ли мне случаем. Бернадетта через брата была связана с объектом моей привязанности; вероятно, почерпнуть с ее помощью новые сведения о нем было делом несложным. Не думаю, что мне хотелось бы вступать с ней в длительный вербальный контакт: ее голос был громок и скрипуч, а смеялась она, как обезьяна-ревун, – но несколько минут на нее потратить все же стоило. Вращая чайник по часовой стрелке, я стала обдумывать мой гамбит.

– Билли, как тебе оставшаяся часть концерта? – произнесла я.

Мой вопрос его, похоже, удивил, поэтому ответил он не сразу.

– Все было ок, – сказал он.

Как всегда красноречиво. Да уж, это будет тяжело.

– Остальные артисты выступали так же достойно, как... – я сделала вид, что роюсь в памяти, – ...Джонни Ломонд?

– По-моему, нормально, – ответил он, пожимая плечами.

Какое пронизательное, точное описание. Как я и предполагала, Бернадетта тут же заговорила, не устояв перед возможностью любыми средствами привлечь к себе внимание:

– Я его знаю, этого Джонни Ломонда, – гордо сказала она, – в школе он дружил с моим братом.

– Да ты что? – спросила я, в кои-то веки с неподдельным интересом. – Что это была за школа?

Тон, каким она произнесла название учебного заведения, подразумевал, что я должна была быть о нем осведомлена. Я сделала вид, что очень впечатлена.

– Они до сих пор дружат? – спросила я, продолжая вращать чайник.

– Не особенно, – ответила она, – он был у Пола на свадьбе, но с тех пор они мало общаются. Знаешь, как это бывает: когда у человека семья и дети, он теряет связь со своими свободными друзьями. У вас как бы больше нет ничего общего...

У меня не было ни знаний, ни опыта в подобной ситуации, но я все же с понимающим видом кивнула. Тем временем в голове у меня крутилась одна и та же фраза: он свободен, он свободен, он свободен.

Я взяла чай и вернулась к своему столу.

Смех коллег, судя по всему, сменился тихим шепотом. Меня всегда поражало, какие вещи кажутся им интересными, смешными или необычными. Единственное, что я могу заключить: они ведут крайне замкнутую жизнь.

Секретарше Джейни сделал предложение этот ее последний неандерталец, и сегодня ей на подарок собирали деньги. Мой личный вклад составил семьдесят восемь пенсов. В кошельке лежала только мелочь и пятифунтовая банкнота, но у меня, конечно же, не было намерения класть в общий конверт столь значительную сумму, чтобы потом на эти деньги купили какую-нибудь ерунду человеку, которого я едва знаю. Я, должно быть, потратила сотни фунтов за все эти годы: подарки на дни рождения, подарки для детей, прощальные подарки для уволившихся – и что получила взамен? Мой собственный день рождения всегда проходит незамеченным.

Тот, кто выбирал свадебный подарок, остановился на наборе из графина и бокалов для вина. Когда пьешь водку, все это снаряжение представляется совершенно лишним. Я просто наливаю ее в мою любимую кружку. Я приобрела ее несколько лет назад в благотворительном магазине. На ней изображен круглолицый мужчина в коричневой кожаной куртке. А наверху идет надпись «Топ Гир», сделанная странными желтыми буквами. Не могу сказать, что я уловила ее суть. Но эта кружка вмещает идеальное количество водки, тем самым устраняя необходимость частых доливаний.

Джейни не планировала надолго откладывать свадьбу, на вопросы жеманно улыбалась, поэтому неудивительно, что вскоре последовал неизбежный сбор денег на свадебный подарок. Из всех принудительных финансовых пожертвований это раздражает меня больше всего. Два человека шляются по универмагу «Джон Льюис», выбирают то, что им нравится, а платить за это почему-то должны другие. Самая что ни на есть бесстыдная наглость. Выбирают вещи вроде тарелок, мисок, столовых приборов – неужели у жениха и невесты ничего этого нет и сейчас им приходится вытаскивать еду прямо из пакетов голыми руками и класть сразу в рот? Я просто не способна понять, почему регистрация отношений двух людей обязывает их друзей, родственников и коллег обновлять за них содержимое их кухни.

На настоящей церемонии бракосочетания мне не доводилось бывать ни разу. Пару лет назад я получила приглашение на свадебную вечеринку Лоретты, как и все остальные сотруд-

ники. Мероприятие происходило в ужасном отеле неподалеку от аэропорта, и чтобы добраться туда, мы заказали микроавтобус. Мне пришлось внести свою часть оплаты, и это не считая расходов на поездку на автобусе в центр города и обратно. Весь вечер гостям самим приходилось покупать напитки, что повергло меня в шок. Признаться, я действительно не большой знаток в сфере развлечений, но если ты хозяин, то должен быть ответственным за обеспечение гостей спиртным, разве нет? Ведь с незапамятных времен это был основополагающий принцип гостеприимства во всех обществах и культурах. Я на том мероприятии пила только воду из-под крана, потому что редко употребляю алкоголь на людях и наслаждаюсь им только дома, когда остаюсь одна. Но под конец, вечером, нам хотя бы подали чай и кофе с безвкусными пирожными и, что еще удивительнее, кусками рождественского пирога. Все эти долгие часы была дискотека, и уродливые люди танцевали под уродливую музыку совершенно уродливые танцы. Я сидела одна, никто меня не приглашал, и я была этим вполне удовлетворена.

Остальные гости развлекались – мне, по крайней мере, казалось, что дело обстояло именно так. Пьяно топтались на танцполе с красными лицами. Их обувь выглядела очень неудобной, они кричали друг другу в лицо слова песен. Никогда больше не пойду на такого рода торжество. Ради чашки чая и куска пирога? Оно того не стоит. Впрочем, вечер все же не пропал зря: мне удалось завернуть в салфетки и сунуть в сумку дюжину пирожков с мясом. На потом. К сожалению, они оказались не очень вкусны – куда хуже, чем в надежной булочной «Греггз».

По окончании отвратительной процедуры вручения подарка я выключила компьютер и застегнула телогрейку, радостно предвкушая, как вернусь домой и включу ноутбук. С учетом тех крупиц информации, которые мне сегодня удалось выманить у Бернадетты, в Сети, вероятно, найдутся ценные сведения о его школьных годах. Как чудесно было бы взглянуть на фото его класса! Мне очень хотелось увидеть, как он выглядел в юности, был ли он всегда красив или же расцвел и превратился в восхитительную бабочку несколько позже. Могу поспорить на любые деньги, что он был прекрасен с самого рождения. Наверняка должен быть и список его наград: по музыке, очевидно, и, возможно, по английскому, ведь он написал такие чудесные тексты песен. Как бы там ни было, на меня он точно произвел впечатление победителя.

Я стараюсь планировать свой уход из офиса так, чтобы мне не нужно было ни с кем говорить по пути. Иначе мне задают столько вопросов. «Что будешь делать сегодня вечером? Какие у тебя планы на выходные? Куда поедешь в отпуск?» Понятия не имею, почему окружающих так интересует мое расписание. Я распланировала все самым тщательным образом и уже занесла над порогом сумку, но вдруг поняла, что кто-то за моей спиной потянул дверь и придерживает для меня. Я обернулась.

– Как дела, Элеанор? – со спокойной улыбкой спросил Рэймонд, пока я распутывала в рукаве тесьму варежек. Хотя при нынешней умеренной погоде необходимости в этом аксессуаре не было, я оставила их в изначальном месте, дабы облачиться в них при первой перемене ветров.

– Все в порядке, – ответила я и для вежливости добавила: – Спасибо, Рэймонд.

– Нет проблем, – сказал он.

К моей досаде, по лестнице мы стали спускаться вместе.

– Куда направляешься? – спросил он.

Я неопределенно кивнула головой в сторону холма.

– Я тоже, – сказал он.

Я нагнулась и сделала вид, что застегиваю на ботинке липучку. Возилась как можно дольше, в надежде, что он поймет намек. Но когда наконец выпрямилась, он по-прежнему стоял передо мной с безвольно повисшими руками. В этот момент я заметила, что на нем дафл-

кот. Дафлкот! Разве они не остались уделом детей и плюшевых медвежат? Мы направились по улице вниз, Рэймонд вытащил пачку сигарет и предложил мне. Я отшатнулась.

– Как отвратительно! – воскликнула я.

Он невозмутимо закурил и пробормотал:

– Да-да, я знаю, вредная привычка. Извини.

– Вреднее некуда, – сказала я, – вы умрете намного раньше назначенного вам срока, вполне возможно, от рака легких или болезни сердца. Вы некоторое время не будете чувствовать влияния на легкие и сердце, но зато заметите проблемы с ротовой полостью: у вас будут болеть десны и выпадать зубы. А кожа ваша уже сейчас серая и морщинистая, что для курильщиков весьма типично. К вашему сведению, в химический состав сигарет входят цианид и аммиак. Неужели вам добровольно хочется поглощать столь ядовитые вещества?

– Для некурящего человека ты знаешь о сигаретах чертовски много, – сказал он, выдыхая тонкими губами облако вредоносных канцерогенов.

– Некоторое время я раздумывала, не начать ли курить, – признала я, – но прежде чем что-то предпринять, я провожу тщательное исследование, и в итоге курение не показалось мне целесообразным и разумным времяпрепровождением. Кроме того, оно непривлекательно с финансовой точки зрения.

– Угу, – кивнул он, – и правда, это жутко дорого.

Мы немного помолчали, после чего он спросил:

– Тебе куда, Элеанор?

Я задумалась, как лучше всего ответить на его вопрос. Мой путь лежал домой, где у меня было назначено волнительное свидание. И по столь неслыханному случаю – свиданию с гостем у меня в квартире – нужно было как можно скорее завершить это незапланированное и томительное взаимодействие. Как следствие, я могла выбирать любой маршрут, лишь бы Рэймонду было со мной не по пути. Но какой именно?

Мы как раз проходили мимо клиники, специализирующейся на подиатрии. Тут меня осенило.

– Мне назначен прием, – сказала я, показав на входную дверь, – у меня костные мозоли.

Он посмотрел на мои ботинки.

– Сочувствую, Элеанор, – ответил он, – у моей мамы то же самое, она жуть как мучается ногами.

Мы ждали на пешеходном переходе, и Рэймонд наконец-то хранил молчание. Я смотрела на старика, который шел, пошатываясь, на противоположной стороне улицы. Крепкий и приземистый, он привлек мой взор благодаря помидорно-красному свитеру, сверкавшему из-под обычной для пенсионеров пепельно-серой куртки. Будто при замедленном воспроизведении, его ноги стали заплетаться, и сам он стал раскачиваться из стороны в сторону, дико размахивая руками; раздутые пакеты с покупками в его руках превращали его в человеческий маятник.

– Вечер только начался, а он уже пьян, – тихо сказала я, обращаясь не столько к собеседнику, сколько к самой себе.

Рэймонд уже открыл было рот, чтобы ответить, но в этот момент старик грузно упал на спину и затих. Покупки разлетелись в разные стороны, и я отметила, что он купил карамельные вафли и большую упаковку мясного фарша.

– Черт, – сказал Рэймонд, яростно тыча в кнопку, включающую зеленый сигнал светофора.

– Бросьте, – ответила я, – он просто напился. С ним все будет в порядке.

Рэймонд уставился на меня.

– Он пожилой человек, Элеанор, – произнес он. – И крепко приложился головой о тротуар.

Мне стало не по себе. Алкоголики, полагаю, тоже заслуживают помощи, хотя, на мой взгляд, нужно брать пример с меня и пить дома, где ты никому не создаешь проблем. Но не все же такие рассудительные и тактичные, как я.

Наконец на светофоре зажегся зеленый, Рэймонд отшвырнул сигарету в водосток и побежал через дорогу. «А сорить на улице нехорошо», – подумала я и неторопливо пошла за ним. Когда я достигла противоположного тротуара, Рэймонд уже стоял на коленях перед стариком, шупал у него на шее пульс и медленно, но громко, говорил ничего не значащие глупости:

– Здравствуйте, как вы себя чувствуете? Эй, уважаемый, вы меня слышите?

Старик не отвечал. Я склонилась над ним, потянула носом и сказала:

– А ведь он трезвый. Мы бы почувствовали запах, если бы он был настолько пьян, чтобы упасть и отключиться.

Рэймонд взялся расстегивать на нем одежду.

– Вызови «скорую», Элеанор, – спокойно сказал он.

– Я не обладаю мобильным телефоном, – объяснила я, – хотя я готова выслушать любого, кто убедит меня в эффективности его использования.

Рэймонд похлопал себя по карманам пальто, вытащил телефон и протянул его мне.

– Быстрее, – сказал он, – старик без сознания.

Мои пальцы стали набирать 999, но в этот момент память будто ударила меня по голове, и я поняла, что сделать это еще раз не смогу. Просто не смогу опять услышать голос, спрашивающий: «В какой конкретно помощи вы нуждаетесь?» – а потом вой приближающихся сирен. Я прикоснулась к шрамам, швырнула телефон обратно Рэймонду и сказала:

– Сами звоните, а я побуду с ним.

Рэймонд негромко выругался и встал.

– Говори с ним... о чем угодно, но не трогай... – сказал он.

Я сняла телогрейку, накрыла ею грудь старика и начала:

– Здравствуйте, меня зовут Элеанор Олифант.

«Говори с ним», – сказал Рэймонд, и я стала говорить:

– Какой чудесный свитер! Шерстяные изделия такого цвета редкость. Как бы вы могли описать его оттенок? Ярко-красный? А может, карминный? Мне больше нравится последний. Лично я бы, конечно, не осмелилась на такой оттенок. Но вы, наперекор всему, отлично справляетесь. Серые волосы и красный свитер – как у Санта-Клауса. Вам его подарили? Наверняка подарили, он слишком хороший, мягкий и дорогой, чтобы человек покупал его себе сам. Хотя не исключено, что вы из тех, кто балует себя хорошими и дорогими вещами. Я знаю, некоторые так и делают, считая, что во всем заслуживают только лучшего. Хотя, судя по остальной одежде на вас и содержимому пакетов из супермаркета, вы вряд ли принадлежите к их категории.

Я собрала с духом, сделала три глубоких вдоха, медленно протянула руку и накрыла его ладонь своей. Я держала ее столько, сколько смогла вынести.

– Мистер Гиббонс звонит в «скорую», – продолжала я, – не переживайте, вам не придется долго лежать посреди улицы. Для волнения у вас нет ни малейшего повода: медицинское обслуживание в нашей стране совершенно бесплатно, а его стандарты считаются одними из самых высоких в мире. Вам повезло: упасть и грохнуться головой где-нибудь в Южном Судане, с учетом тамошней политической и экономической обстановки, было бы куда хуже. А здесь, в Глазго... вы, если позволите так выразиться, ударились очень даже удачно.

Рэймонд нажал кнопку отбоя и склонился над стариком.

– Как он, Элеанор? – спросил он. – Не пришел в себя?

– Нет, – ответила я, – но я, как вы просили, постоянно с ним разговаривала.

Рэймонд взял старика за другую руку.

– Бедолага, – произнес он.

Я согласно кивнула. С удивлением я ощутила чувство, которое идентифицировала как волнение и тревогу за этого незнакомого мне пожилого человека. Потом села, почувствовала ягодицами что-то большое и круглое, повернулась и увидела большую пластиковую бутылку «Айрн-Брю». Я поднялась на ноги, разогнула спину и принялась собирать разбросанные вокруг покупки и складывать в пакеты. Увидев, что один из пакетов порвался, я вытащила из сумки свой собственный: незаменимый и вечный «Теско» со львами. Упаковав продукты, я сложила пакеты у ног старика. Рэймонд улыбнулся мне.

Мы услышали рев приближающихся сирен, и Рэймонд протянул мне телогрейку. Машина «скорой» припарковалась рядом с нами, из нее вышли два человека. Они что-то оживленно обсуждали, и меня удивил их пролетарский выговор. Я думала, они будут говорить, как доктора.

– Так! – сказал тот, что постарше. – Что тут у нас? Старичок навернулся, да?

Пока Рэймонд вводил его в курс дела, я наблюдала за вторым: тот склонился над стариком, щупал у него пульс, светил в глаза небольшим фонариком и слегка похлопывал, пытаясь добиться какой-то реакции. Потом повернулся к коллеге и сказал:

– Надо торопиться.

Они вытащили из машины носилки, положили на них старика и пристегнули ремнями – на удивление быстро и заботливо. Тот, что помоложе, накрыл его красным шерстяным одеялом.

– Того же цвета, что и джемпер, – промолвила я, но они оба проигнорировали меня.

– Вы поедете? – спросил тот, что постарше. – У нас только одно местечко.

Мы с Рэймондом переглянулись. Я бросила взгляд на часы. Мой визитер ожидался через тридцать минут.

– Я поеду, Элеанор, – сказал он, – а ты иди к своему подиатру.

Я кивнула, и Рэймонд забрался в автомобиль и устроился возле врача постарше. Санитар тем временем настраивал капельницы и мониторы. Я взяла пакеты с покупками и подняла их, чтобы отдать Рэймонду.

– Послушайте, – раздраженно бросил врач, – это вам не фургончик торговой сети «Асда». Мы не занимаемся доставкой товаров.

Рэймонд разговаривал по телефону, скорее всего, с матерью. В двух словах предупредил, что задержится, и тут же дал отбой.

– Элеанор, – сказал он, – позвони мне через часок. Может, привезешь потом вещи в больницу?

Я на мгновение задумалась и кивнула. Он порылся в карманах, вытащил ручку и схватил мою ладонь. Я потрясенно ахнула, отпрянула и спрятала руку за спину.

– Мне нужно на чем-то записать номер моего телефона, – спокойно произнес он.

Я вытащила из сумки маленький блокнотик, он взял его и через несколько секунд вернул. Одна из страниц была покрыта синими каракулями: неразборчивое имя, а под ним последовательность цифр, нацарапанная неуклюжей, детской рукой.

– Через час или около того, – сказал он, – думаю, что к этому времени с твоими костными мозолями уже разберутся.

6

Едва я вернулась домой и разоблачилась, как в дверь позвонили – на десять минут раньше назначенного. Может, специально, чтобы поймать меня. Не снимая цепочки, я медленно открыла дверь и увидела перед собой совсем не того, кого ожидала. Кто бы это ни был, она не улыбалась.

– Элеанор Олифант? Джун Маллен, патронажная служба.

Она сделала шаг вперед, но уперлась в дверь.

– А где Хизер? – спросила я, оглядываясь.

– Боюсь, что Хизер заболела. Мы не знаем, когда она выйдет. Теперь ее дела веду я.

Я попросила ее показать какие-нибудь документы – осторожность лишней не бывает. Она тихо вздохнула и полезла в сумочку. Это была высокая женщина, одетая в аккуратный черный брючный костюм и белую блузку. Когда она наклонила голову, я увидела в ее темных шелковистых волосах белую полоску кожи. Наконец она подняла глаза и вытащила пропуск с крошечной фотографией и гигантским логотипом департамента социального обеспечения. Я внимательно его изучила, несколько раз переведя взгляд со снимка на лицо и обратно. Снимок был не самый удачный, но я ее в этом не винила. Я и сама не очень фотогенична. В жизни она была примерно моего возраста, обладала гладкой кожей без морщин и тонкой линией накрашенных красной помадой губ.

– Вы не похожи на социального работника, – сказала я.

Она уставилась на меня, но ничего не сказала. Опять? На каждом шагу я с пугающей частотой встречаю людей с недостаточно развитыми навыками общения. Ну почему работа с людьми так привлекает мизантропов? Это какой-то парадокс. Я мысленно сделала в мозгу закладку, чтобы вернуться к этому вопросу позже, сняла цепочку, пригласила Джун войти и проводила в гостиную, слушая, как ее каблуки цокают по полу. Она попросила разрешения осмотреть квартиру. Я, конечно же, чего-то подобного ожидала. Хизер тоже так делала; скорее всего, это входит в их обязанности: все проверить и убедиться, что я не храню собственную мочу в больших бутылках и не убиваю сорок, чтобы потом зашивать их в наволочки. Когда мы прошли на кухню, она похвалила мой интерьер, хотя и без особого энтузиазма.

Я постаралась взглянуть на собственный дом глазами постороннего человека. Я сознаю, что мне чрезвычайно повезло устроиться здесь, поскольку социальное жилье в этом квартале сейчас практически не выделяют. Я вряд ли смогла бы поселиться в этой местности иным путем, определенно не на те жалкие крохи, что платит мне Боб. Департамент соцзащиты помог мне переехать в этот дом тем самым летом, когда я покинула последнюю приемную семью и поступила в университет. Тогда мне только-только исполнилось семнадцать. В те времена молодой девушке, выросшей в социальных заведениях, получить муниципальную квартиру неподалеку от места ее учебы не составляло особого труда. Представить только.

Мне понадобилось время, чтобы начать обустраивать свое жилище. Помнится, что стены я покрасила только летом после выпуска из университета. Краску и кисти купила, обналичив присланный по почте чек из университетской канцелярии, прилагавшийся к диплому. Как оказалось, мне полагалась небольшая премия, учрежденная в честь какого-то давно почившего ученого-классика, за победу в конкурсе на лучший доклад по «Георгикам» Вергилия. Диплом я, конечно же, получила заочно: какой смысл выходить на сцену, если тебе некому аплодировать. С тех пор в квартире я больше ничего не делала.

Говоря объективно, вид у нее, полагаю, был весьма обшарпанный. Мамочка всегда говорила, что одержимость отделкой невыносимо буржуазна, а ремонт собственными руками – удел плебса, что еще хуже. Порой мне страшно думать о представлениях, которые я могла у нее перенять.

Обстановку предоставила благотворительная организация, помогающая незащищенным слоям населения обустроиться на новом месте, – подержанные, разрозненные предметы мебели, за которые я тогда была чрезвычайно благодарна, впрочем, как и сейчас. Всеми предметами можно было прекрасно пользоваться, поэтому я не видела никакой необходимости их менять. Убиралась я дома нечасто, что создавало, надо полагать, некую общую атмосферу запущенности. Я не видела в этом смысла, ведь я единственный человек, который тут ел, стирал, ложился спать и просыпался по утрам.

Эта Джун Маллен была первым посетителем с прошлого ноября. Представители департамента социальной защиты делают обход примерно раз в полгода. В этом календарном году она первая. Техника, снимающего показания счетчика, еще не было, хотя мне, надо признать, больше нравится, когда они оставляют визитку, а я потом перезваниваю и сама все сообщаю. Мне очень нравятся колл-центры: так интересно слушать разные акценты и пытаться понять что-нибудь о человеке на проводе. Самая лучшая часть разговора – когда они под конец спрашивают: «Могу я еще чем-нибудь вам помочь, Элеанор?» – а я отвечаю: «Нет-нет, спасибо, вы очень компетентно и профессионально решили все мои проблемы». К тому же очень приятно слышать, как человеческий голос произносит твое имя.

Помимо служащих департамента социальной защиты и компаний по предоставлению коммунальных услуг, время от времени мне звонят представители той или иной церкви, спрашивая, впустила ли я Иисуса в свою жизнь. Я выяснила, что им не очень нравится дискутировать на тему приобщения к вере, что меня разочаровало. В прошлом году какой-то мужчина принес каталог товаров для дома, оказавшийся увлекательнейшим чтением. Я до сих пор сожалею, что не приобрела ловушку для пауков, действительно чрезвычайно изобретательное приспособление.

От предложенной мной чашки чая Джун Маллен отказалась, а когда мы вернулись в гостиную, села на диван и вытащила из портфеля мое дело. Папку в несколько сантиметров толщиной предусмотрительно стягивала резинка. В правом верхнем углу чья-то неизвестная рука написала маркером ОЛИФАНТ, ЭЛЕАНОР и поставила дату – июль 1987, год моего рождения. Ободранная, покрытая какими-то пятнами папка из буйволовой кожи выглядела словно исторический артефакт.

– У Хизер ужасный почерк, – пробормотала женщина, вода покрашенным ногтем по верхнему листу кипы бумаг.

Она говорила тихо и спокойно, не столько со мной, сколько с самой собой.

– Визиты раз в полгода... устойчивая интеграция в общество... определение дополнительных потребностей на ранних стадиях...

Джун читала дальше, и вдруг выражение ее лица переменялось. Когда она подняла на меня глаза, в них соединились ужас, тревога и жалость. Видимо, добралась до строк о мамочке. Я уставилась на нее в упор. Джун глубоко вздохнула, вернулась к бумагам, медленно выдохнула и опять посмотрела на меня.

– Я... я не знала, – произнесла она голосом, вторившим выражению ее лица, – вам... вам, должно быть, страшно ее не хватает, да?

– Мамочки? – спросила я. – Это вряд ли.

– Нет, я хотела сказать... – она осеклась, озадаченная, растерянная, печальная.

Как же хорошо была мне знакома эта святая троица чувств. Я наблюдаю их постоянно. Я пожала плечами, не имея ни малейшего представления, о чем она говорит.

Между нами повисла мучительная, дрожащая тишина. Прошло будто бы несколько суток, прежде чем Джун Маллер захлопнула лежавшую у нее на коленях папку и преувеличенно широко мне улыбнулась.

– Ну, Элеанор, как у вас дела? С момента последнего посещения Хизер ничего не изменилось?

– Все хорошо, Джун, я ни в чем дополнительно не нуждаюсь и полностью интегрировалась в общество, – ответила я.

Она едва заметно улыбнулась.

– На работе все нормально? Насколько я понимаю, вы... – она опять заглянула в папку, – работаете в офисе, да?

– На работе все в порядке, – заверила ее я, – все в полном порядке.

– А дома? – спросила она, оглядывая комнату.

Ее взгляд задержался на большом зеленом пуфе в виде гигантской лягушки – одно из пожертвований той самой благотворительной организации, которая предоставила мне всю мебель. За минувшие годы мне очень полюбились и эти глаза навывкате, и огромный розовый язык. Как-то ночью, после некоторого количества водки, я нетвердой рукой нарисовала на нем маркером большую комнатную муху, *Musca domestica*. Сколь-нибудь заметных способностей к живописи у меня нет, но, по моему скромному мнению, натура была воспроизведена весьма точно. Я чувствовала, что этим действием я как бы заявляю свои права на этот предмет, что я из чужого и подержанного делаю его новым. Кроме того, лягушка выглядела голодной. Джун Маллен, казалось, не могла отвести от нее глаз.

– Дома, Джун, все тоже в полном порядке, – повторила я, – счета оплачиваются вовремя, с соседями у меня сложились самые сердечные отношения, мне здесь очень хорошо.

Она полистала мое дело и вздохнула. Я прекрасно знала, что она собирается мне сказать, – ее голос переменялся, в нем появились сомнение и страх, что всегда предшествовало разговору на эту тему.

– Правильно ли я понимаю, вы по-прежнему не желаете знать ничего ни о том случае, ни о вашей матери?

Она больше не улыбалась.

– Совершенно верно, – ответила я, – в этом нет необходимости – я разговариваю с ней раз в неделю, вечером каждую среду.

– В самом деле? Спустя столько времени это все еще происходит? Интересно... вы имеете желание... поддерживать эту связь?

– А почему нет? – скептически спросила я.

И где только департамент социальной защиты находит таких работников?

Она умышленно хранила молчание, и я, хотя и понимая ее метод, в конце концов не удержалась и заговорила:

– Думаю, мамочке понравилось бы, если бы я попыталась разузнать больше о том... происшествии... но у меня нет желания этого делать.

– Хорошо, – кивнула она. – Разумеется, вы сама решаете, сколько вы хотите знать. В суде постановили, что выбор полностью за вами, так ведь?

– Совершенно верно, – ответила я, – именно так они и сказали.

Она окинула меня внимательным взглядом, как до нее делали многие другие, выискивая на моем лице оставленные мамочкой следы и испытывая странный трепет оттого, что оказалась рядом с близкой родственницей женщины, которую и сейчас, по прошествии стольких лет, газеты порой называют «милым ликом ада». Я наблюдала, как она скользит взором по моим шрамам. Ее рот был слегка открыт, и в этот момент стало совершенно очевидно, что брючного костюма и стрижки в качестве маскировки этой деревенской раззяве явно недостаточно.

– Если хотите, – сказала я, – можно попытаться отыскать какую-нибудь фотографию.

Она дважды моргнула, залилась краской и стала суетливо воевать со своей пухлой папкой, пытаясь сложить бумаги в аккуратную стопку. Я заметила, что из нее выскользнула одна страничка и спланировала под журнальный столик. Джун не обратила на это внимания, и я на миг задумалась, стоит ли ей говорить. Поскольку там было написано про меня, формально этот листок можно было считать моим. Во время следующего ее визита я обязательно его верну, я

ведь не вор. В ушах зазвучал голос мамочки, он нашептывал, что я права, что работники патронажной службы вечно мнят себя благодетелями человечества, путаются под ногами и суют нос не в свои дела. Джун Маллен стянула папку тугой резинкой, и говорить о выпавшем листке было уже поздно.

– Я... Какие-то еще вопросы сегодня желаете обсудить? – спросила она.

– Нет, благодарю вас, – сказала я, улыбаясь самой широкой улыбкой, на которую только была способна.

Джун выглядела расстроенной, пожалуй, даже напуганной, что меня очень огорчило. Я ведь старалась казаться приветливой и дружелюбной.

– В таком случае, Элеанор, на сегодня у нас все, – сказала она. – Больше я вам докучать не буду.

Засовывая папку в портфель, Джуди перешла на беззаботный тон и спросила:

– Чем будете заниматься в выходные?

– Навещу в больнице одного человека, – ответила я.

– О, как здорово. Посещения всегда идут пациентам на пользу, не так ли?

– Да? – произнесла я. – Не знаю, мне еще не приходилось навещать кого-либо в больнице.

– Но вы сами провели там не один день, – сказала она.

Я пристально поглядела на нее. Объем наших знаний друг о друге был вопиюще неравен. На мой взгляд, при первом посещении нового подопечного социальный работник, чтобы устранить это неравенство, должен представить краткую справку о себе. В конце концов, у нее был неограниченный доступ к этой толстой коричневой папке – исчерпывающему жизнеописанию Элеанор, – содержащей самые сокровенные сведения обо мне за двадцать лет. А я знала только ее имя и место работы.

– Раз вы знаете об этом, вам также должно быть известно, что в сложившихся обстоятельствах ко мне в больницу допускались только полицейские и мои законные представители, – сказала я.

Она вытаращилась на меня, разинув рот. Словно клоун на ярмарочной площади, которому ты пытаешься забросить в открытый рот шарик, чтобы выиграть золотую рыбку.

Когда я открыла ей дверь, она, то и дело поглядывая на мою одомашненную лягушку, сказала:

– Увидимся через полгода, Элеанор. Всего вам наилучшего.

Я с показной осторожностью прикрыла за ней дверь.

Она ничего не сказала про Полли, подумала я, как странно. Как ни нелепо, я почувствовала за Полли обиду. Все это время она стояла в углу комнаты и больше, чем что-либо, бросалась в глаза. Моя прекрасная Полли, прозаично называемая «махровый бальзамин», хотя предо мной она всегда представала во всей своей латинской красе как *Impatiens niamniamensis*. Я нередко произношу это название вслух: *Ниамиаменсис*. Оно похоже на поцелуй: звуки «м» смыкают губы и скатываются в другие согласные, кончик языка касается «н» и скользит по «с». Предки Полли прибыли из далекой Африки. Как и все мы. Она – единственное, что сохранилось у меня из детства, единственное уцелевшее живое существо. Ее подарили мне на день рождения, но я не помнила кто, что довольно странно. Вообще говоря, я была не из тех, кого осыпали подарками.

Сначала Полли стояла в моей детской, потом пережила все приемные семьи и детские дома и вот теперь обитает вместе со мной в этой квартире. Я всегда ухаживала за ней, опекала ее, поднимала ее с пола и пересаживала, если ее роняли или швыряли на пол. Она любит свет, всегда хочет пить, но во всем остальном практически не нуждается в моем внимании и способна присмотреть за собой сама. Признаюсь без всякого стыда, что иногда с ней разговариваю. Когда тишина и одиночество наваливаются на меня со всех сторон, гнетут меня, прон-

зают, словно осколок льда, мне *необходимо* произнести что-то вслух, хотя бы просто чтобы убедиться, что я жива.

Философский вопрос: если в лесу падает дерево, но этого никто не слышит, производит ли оно шум? И если совершенно одинокая женщина временами разговаривает с цветком в горшке, можно ли ее считать адекватной? Я убеждена, что время от времени разговаривать с собой абсолютно нормально. Я ведь не ожидаю от Полли ответа, я прекрасно понимаю, что она комнатное растение.

Я полила ее и занялась другими домашними делами, предвкушая момент, когда включу ноутбук и посмотрю, не разместил ли некий красавец-музыкант новых сведений о себе. «Фейсбук», «Твиттер», «Инстаграм». Три окошка в мир чудес. Когда я загружала стиральную машину, зазвонил телефон. Не только посетитель, но еще и телефонный звонок! Не день, а красная дата календаря. Это был Рэймонд.

– Я позвонил Бобу на сотовый, обрисовал ситуацию, и он выудил для меня твой номер из картотеки личных дел сотрудников, – объяснил он.

Ну и ну. Неужели вся моя жизнь содержится в общедоступных картонных папках, готовых распахнуться для всех и каждого?

– Какое грубое вторжение в мое личное пространство! – сказала я. – Не говоря уже о нарушении Закона о защите персональных данных. На следующей неделе я поговорю об этом с Бобом.

На том конце провода стало тихо.

– Алло? – сказала я.

– Да-да, я здесь, извини. Просто ты... обещала позвонить, но не позвонила... я сейчас в больнице... просто хотел спросить... ты хотела принести вещи старика... нас отвезли в «Вестерн Инфермери». Кстати, его зовут Сами-Том.

– Что? – переспросила я. – Нет, Рэймонд, так не бывает. Он невысокий полный старик из Глазго. Не может быть, чтобы его нарекли Сами-Томом.

В моей голове стали зарождаться серьезные сомнения в умственных способностях Рэймонда.

– Нет-нет, Элеанор, Самми – это сокращение от Сэмюэл. А Том пишется с двумя «м» на конце, Томм.

– Вот оно что, – сказала я.

Вновь повисла долгая пауза.

– Э-э-э... как я уже говорил, Самми в «Вестерн Инфермери». Если захочешь прийти, то посещения начинаются в семь.

– Рэймонд, я же сказала, что приду, а я человек слова. Сейчас уже немного поздно, а завтра ранним вечером я смогу явиться. Вам это подходит?

– Конечно, – ответил он и вновь умолк. – Не хочешь узнать, как он?

– Да-да, разумеется, – сказала я.

Собеседник из Рэймонда был слабый, что делало весь разговор чрезвычайно сложной задачей.

– Ничего хорошего. Стабильно тяжелое состояние. Так что будь готова. В сознание он пока не пришел.

– В таком случае мне как-то не верится, что завтра ему понадобится «Айрн-Брю» и мясной фарш, – заметила я.

Рэймонд вздохнул.

– Слушай, Элеанор, приходишь сюда или нет – твое дело. Продукты сейчас ему действительно не нужны, и тебе, думаю, придется все выбросить. Как ты верно заметила, в ближайшее время этот бедняга явно не будет жарить себе яичницу.

– Так оно и есть. В сущности, мне представляется, что именно вредная жареная еда и довела его до этого состояния, – сказала я.

– Все, Элеанор, мне пора, – ответил он и без предупреждения положил трубку. Вот грубиян!

Теперь передо мной стояла дилемма: с одной стороны, ехать в больницу, только чтобы увидеть незнакомца в коме и оставить у его постели бутылку газировки, особого смысла не было. Но с другой, было бы очень интересно попробовать себя в роли больничного посетителя, к тому же, оставался крохотный шанс, что он придет в себя в моем присутствии. У меня сложилось впечатление, что монолог, который я произнесла в ожидании «скорой», ему понравился – насколько об этом можно судить с учетом того, что он был без сознания.

Размышляя над этим, я подняла выпавший из папки лист бумаги и перевернула его. Он слегка пожелтел по краям, от него исходил казенный запах: железа от металлических шкафов и грязи, оставленной прикосновениями множества чужих, незнакомых, невымытых рук. Такой же запах исходит от банковских билетов.

ДЕПАРТАМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА О РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА

15 марта 1999 года, 10:00

Дело: ОЛИФАНТ, ЭЛЕАНОР (12.07.1987)

Присутствовали: Роберт Броклерхерст (Заместитель главы Департамента социальной защиты, директор Управления по делам детей и семьи); Ребекка Скетчерд (старшая патронажная сестра, Департамент социальной защиты); мистер и миссис Рид (опекуны).

Рассмотрение состоялось в доме мистера и миссис Рид, чьи дети, включая Элеанор Олифант, в это время находились в школе. Опекуну попросили о внеочередной встрече, желая обсудить их растущую тревогу в отношении Элеанор.

Миссис Рид сообщила, что с момента последней встречи, состоявшейся четыре месяца назад, поведение Элеанор изменилось в худшую сторону. Мистер Броклерхерст попросил привести примеры, на что мистер и миссис Рид сообщили о следующем:

- Элеанор совершенно рассорилась с другими детьми, особенно со старшим, Джоном (14 лет);
- Элеанор ежедневно грубила и дерзила миссис Рид. Когда миссис Рид пыталась призвать ее к порядку (к примеру, отсылая в пустую комнату на втором этаже, чтобы подопечная могла подумать о своем поведении) устраивала истерики, один раз даже с применением физического насилия;
- время от времени Элеанор делала вид, что падает в обморок, чтобы избежать наказания или же в ответ на попытки призвать ее к порядку;
- Элеанор в высшей степени боялась темноты, и по ночам ее истерический плач не давал уснуть всей семье. В ее комнате установили ночник. В ответ на замечания, что она уже достаточно взрослая, чтобы обходиться без него, она реагировала рыданиями и тремором;
- Элеанор часто отказывалась есть предоставленную ей еду; приемы пищи стали источником конфликта за семейным столом;

- Элеанор наотрез отказывалась заниматься простыми домашними делами, например, растапливать камин или выгребать из него золу.

Мистер и миссис Рид выказали крайнюю озабоченность влиянием поведения Элеанор на троих других детей (Джон, 14 лет, Элайза, 9 лет, Джорджи, 7 лет) и, в свете указанных проблем, а также других осложнений, заявленных во время предыдущих плановых встреч, пожелали обсудить сложившееся положение и найти наилучшее решение касательно будущего Элеанор.

Мистер и миссис Рид опять попросили предоставить им дополнительные сведения о прошлом Элеанор, на что мистер Броклехерст ответил, что это невозможно и что у него нет на это разрешения.

Мисс Скетчерд предварительно запросила у классного руководителя Элеанор справку об успеваемости, в которой отмечалось, что девочка учится хорошо, получая по всем предметам только отличные оценки. От себя классный руководитель добавила, что Элеанор блестящий ребенок, прекрасно умеет выражать свои мысли и обладает впечатляющим словарным запасом. Учителя сообщили, что на уроках она всегда ведет себя тихо и дисциплинированно, но никогда не принимает участия в дискуссиях, хотя и внимательно слушает. В то же время некоторые сотрудники школы обратили внимание на то, что на переменах Элеанор держится особняком и не стремится общаться со сверстниками.

После продолжительной дискуссии, с учетом растущей озабоченности мистера и миссис Рид влиянием поведения Элеанор на других детей, стороны пришли к мнению, что оптимальным решением будет изъятие Элеанор из этой семьи.

Мистер и миссис Рид остались довольны исходом дела, а мистер Броклехерст проинформировал их, что Департамент будет держать их в курсе относительно дальнейших шагов.

Примечание: 12 ноября 1999 года состоялось заседание Комиссии по делам детей при участии мистера Броклехерста и мисс Скетчерд (протокол прилагается), на котором был рассмотрен вопрос Элеанор.

Комиссия пришла к выводу, что с учетом вызывающего поведения Элеанор в этой и предыдущей приемных семьях назначение ей опекунов на сегодняшний день нецелесообразно, и постановила поместить ребенка в детский дом с возможностью пересмотра этого решения через двенадцать месяцев.

(Р. Скетчерд поручено прояснить вопрос о наличии мест в детских домах и уведомить мистера и миссис Рид о том, когда Элеанор сможет покинуть их семью).

Р. Скетчерд, 12.11.99

Лжецы. Лжецы, лжецы, лжецы.

7

Народу в автобусе было мало, поэтому я не только села сама, но и поставила на сидение рядом два пакета с покупками старика. Фарш и сыр чеддер я выбросила, а молоко оставила себе, рассудив, что о краже в данном случае речь не идет, потому что старик не сможет им воспользоваться. Я колебалась, стоит ли выбрасывать остальные скоропортящиеся продукты. Да, я осознаю: некоторые считают, что выбрасывать еду нехорошо; по тщательном размышлении я склонна с ними согласиться. Но меня воспитывали совсем в другом духе: мамочка всегда говорила, что о таких тривиальных вещах беспокоятся только простолюдины и убогие работяги.

Мамочка говорила, что в своем доме мы императрицы, султанши и махарани и что мы обязаны вести беззаботную жизнь сибаритов. Что каждое блюдо должно быть эпикурейским праздником вкуса и лучше ходить голодным, чем оскорблять свои рецепторы какой-либо пищей, кроме самой изысканной. Она рассказывала, как ела тофу с чили на ночных базарах Цзюлуна; объясняла, что лучшие суши за пределами Японии продаются в Сан-Паулу. Самым восхитительным блюдом в ее жизни, говорила она, был жаренный на углях осьминог, поданный на закате в непритязательной приморской таверне острова Наксос одним сентябрьским вечером. Утром того же дня она наблюдала, как рыбак вытащил осьминога из воды, а потом весь день потягивала узо, глядя, как повара снова и снова отбивают его о мол залива, чтобы сделать нежнее бледную, покрытую присосками плоть. Надо будет спросить мамочку, чем ее кормят там, где она сейчас. Что-то подсказывает мне, что чай «Лапсан Сушонг» и печенье «кошачьи язычки» у них давно закончились.

Помню, как-то после уроков одна одноклассница пригласила меня в гости. Только меня. Сказала «выпить чаю». Это было и так странно, а кроме того, я вполне обоснованно ожидала послеобеденного чаепития, а ее мать внезапно подала нам ранний ужин. Я хорошо его помню: рыже-бежевые тона, три сияющие полоски рыбного филе в панировке, лужица фасоли в томатном соусе и бледная горка картошки фри. Такие продукты мне даже видеть никогда не доводилось, не то что пробовать, так что мне пришлось спросить, что это. На следующий день Даниэль Мирнс рассказала об этом всему классу, и все смеялись и кричали мне: «Фасолина-пересолена!». Плевать, в школе я все равно задержалась ненадолго. Вскоре одна учительница проявила чрезмерное любопытство и отправила меня к медсестре, после чего мамочка обозвала ее «полуграмотной косноязычной тупицей, едва ли достойной сертификата курсов первой помощи». После этого случая я перешла на домашнее обучение.

Вместо пудинга мама Даниэль подала нам детский йогурт, пустую коробочку от которого я тайком сунула в портфель, чтобы впоследствии внимательно рассмотреть. Судя по всему, этот продукт имел непосредственное отношение к телепрограмме для детей об оживших кусочках фруктов. А еще говорят, что я странная! Моих одноклассников бесило, что я не могу обсуждать телепередачи. Телевизора у нас не было: мамочка называла его катодным канцерогеном и раком для разума, поэтому дома мы читали, слушали записи и порой, когда она была в настроении, играли в нарды или маджонг.

Пораженная тем обстоятельством, что я совсем не знакома с замороженными полуфабрикатами, мама Даниэль Мирнс спросила, с чем я обычно в среду вечером пью чай.

– По-разному, – ответила я.

– Что же вы чаще всего едите? – спросила она, вконец озадаченная.

Я назвала некоторые наши блюда. Спаржа в белом соусе с утиными яйцами пашот и фундуковым маслом. Буйабес с соусом руй. Цыпленок в меду с муссом из сельдерея. Свежие трюфели, когда на них сезон, – в измельченном виде, с белыми грибами и лингвини в оливковом масле. Она уставилась на меня.

– Звучит... роскошно, – сказала она.

– Да нет, иногда мы едим что-то совсем простое, – ответила я, – к примеру, ржаной хлеб с сыром манчего и айвовой пастой.

– Понятно, – сказала она, переглядываясь с маленькой Даниэль, которая тарасилась на меня, открыв рот, набитый недожеванной фасолью.

Они обе молчали. Миссис Мирнс поставила на стол стеклянную бутылку с густой красной жидкостью, которую Даниэль с силой встряхнула, после чего обильно полила ее содержимым бежево-оранжевую еду.

Разумеется, когда меня взяли на воспитание, я очень быстро познакомилась со своей новой кулинарной семьей: «Тетушка Бесси», «Капитан Бердсай» и «Дядюшка Бен»³ стали появляться на моем столе с завидной регулярностью. Теперь я, словно сомелье, могу по одному запаху отличить «Heinz» от «Calve». Это был один из великого множества факторов, отличавших мою прошлую жизнь от нынешней. До и после пожара. Еще накануне я завтракала арбузом, брынзой и гранатами, а уже на следующий день ела намазанный маргарином квадратный тост. Так, во всяком случае, сказала мамочка.

Автобус остановился прямо у больницы. На первом этаже располагался магазинчик, торгующий необходимым минимумом товаров. Я знала, что когда навещаешь кого-то в больнице, принято что-нибудь дарить, но что выбрать? Мы с Самми не были закадычными друзьями. Продукты питания казались бессмысленными, поскольку я приехала сюда с едой, которую он только что выбрал себе сам. С учетом того, что он так и не пришел в сознание, материал для чтения был неприемлем. Однако больше ничего подходящего найти не удалось. Магазинчик предлагал небольшой ассортимент туалетных принадлежностей, но я считала неуместным дарить совершенно незнакомому человеку противоположного пола предметы ухода за телом. И кроме того, тюбик зубной пасты или пачка одноразовых бритвенных лезвий не представлялись мне приятным презентом.

Я попыталась вспомнить лучший в моей жизни подарок. Помимо цветка Полли на ум ничего не приходило. Вдруг я с тревогой вспомнила Деклана, моего первого и единственного бойфренда, которого мне почти удалось полностью стереть из памяти. Как неприятно, что он снова возник в моих мыслях.

Однажды он, увидев единственную полученную в тот день рождения открытку (от одной преследовавшей меня журналистки; в открытке сообщалось, что она заплатит значительную сумму за интервью в любое время и в любом месте), заявил, что я специально не сообщила ему дату моего рождения. Так что на двадцать один год он подарил мне удар кулаком по почкам, а потом, когда я упала, бил меня ногами, пока я не потеряла сознание. Когда я очнулась, он поставил мне синяк под глазом – «за утаивание информации». Кроме этого, я помнила только один день рождения: когда мне исполнилось одиннадцать лет. Приемные родители, с которыми я в то время жила, подарили мне браслет из серебра высшей пробы, с подвеской в виде медведя. Я была очень благодарна им за подарок, но так его ни разу и не надела. Я не из тех, кто любит мишек.

Интересно, а что мог бы мне подарить мой красавец? На годовщину или, скажем, на Рождество. Да нет, о чем это я! Конечно, на День Святого Валентина, самый романтичный и особенный для всех влюбленных праздник. Наверное, написал бы для меня песню, прекрасную песню, и исполнил бы ее на гитаре. А я бы сидела, смотрела на него и потягивала идеально охлажденное шампанское. Хотя нет, не на гитаре, это было бы слишком банально. Чтобы удивить меня, он научился бы играть... на фаготе. Да, он наверняка сыграл бы мне на фаготе.

Но вернемся к прозе жизни. В отсутствие чего-либо более подходящего, я купила Самми несколько журналов и газет, полагая, что, по крайней мере, смогу прочесть их ему вслух.

³ Здесь автор имеет в виду популярные торговые марки «Aunt Bessie», «Captain Birdseye» и «Uncle Ben».

Выбор в магазине был вполне приличный. Судя по внешнему виду и содержимому его пакетов из супермаркета, я сделала предположение, что Самми скорее относится к типу читателей «Дейли Стар», нежели «Дейли Телеграф». Я купила несколько таблоидов и решила взять еще какой-нибудь журнал посolidнее. Их было так много – о путешествиях, политике, яхтинге, жизни звезд, – откуда мне знать, на каком остановиться? Я понятия не имела, что интересовало Самми, и поэтому тщательно и взвешенно все обдумала, чтобы логическим путем прийти к ответу. Единственное, что мне было известно наверняка: он взрослый человек мужского пола. Все остальное было бы домыслами. Я положила на закон больших чисел, поднялась на цыпочки и сняла с полки порнографический журнал «Разл». Все, дело сделано.

В больнице было слишком жарко, полы скрипели под ногами. У входа в палату я увидела дозатор для антисептического геля, над которым висел знак: «Не пить». Неужели кто-то пьет дезинфицирующие средства? Видимо, да, отсюда и знак. Маленькая часть меня на секунду задумалась, не попробовать ли капельку, просто потому, что мне запретили это делать. «Нет, Элеанор, – сказала я себе. – Сдерживай свои бунтарские порывы. Придерживайся чая, кофе и водки».

Я опасалась наносить гель на руки – могла обостриться моя экзема, – но все же нанесла. Соблюдать правила личной гигиены очень важно, упаси меня Господь стать переносчиком инфекции. Палата оказалась большая, с двумя рядами выстроившихся вдоль стен кроватей. Все ее обитатели были на одно лицо: безволосые и беззубые старики, либо дремавшие, либо глядевшие невидящим взором прямо перед собой, некрасиво открыв рот. Я заметила Самми – последнего в левом ряду, – но только потому, что он толстый. Остальные походили на скелеты, обтянутые серой складчатой кожей. Я села на чистый пластиковый стул у Самминой кровати. Рэймонда нигде не было видно.

Самми лежал закрыв глаза, но явно был в сознании. В противном случае его, наверное, поместили бы в специальную палату и подключили бы к каким-нибудь аппаратам. Интересно, зачем Рэймонд мне солгал. Глядя на мерно поднимающуюся и опускающуюся грудь старика, можно было с уверенностью сказать, что он спит. Не желая будить его, я решила ничего ему не читать и положила прессу на тумбочку рядом с кроватью. Я открыла дверцу тумбочки, полагая, что пакеты лучше убрать. Кроме бумажника и связки ключей внутри ничего не было. Я подумала, не стоит ли заглянуть в бумажник, чтобы узнать что-нибудь о Самми, и уже протянула руку, но в этот момент услышала за своей спиной кашель. Бронхитный голос явно выдавал курильщика.

– Элеанор, ты пришла, – сказал Рэймонд, придвигая к кровати стул с противоположной стороны.

Я пристально посмотрела на него и спросила:

– Почему вы солгали мне, Рэймонд? Самми в сознании. Он просто спит. Это далеко не одно и то же.

Рэймонд засмеялся.

– Но ведь это же здорово, Элеанор. Он очнулся пару часов назад. У него серьезное сотрясение и сломано бедро – вчера ему его прооперировали, поэтому он еще не отошел от наркоза, но врачи говорят, что с ним все будет в порядке.

Я кивнула, резко встала и сказала:

– В таком случае, его лучше оставить в покое.

Откровенно говоря, я желала уйти из этой палаты. В ней было слишком жарко, и все вокруг было слишком знакомо: вафельные пледы, запахи лекарств и человеческого тела, холодный металл каркасов кроватей и пластиковые стулья. Руки немного покалывало от геля, впитавшегося в трещинки на коже. Мы подошли к лифту и молча спустились вниз. Когда на первом этаже двери открылись, я почувствовала, что ноги сами собой несут меня к выходу.

Стоял прекрасный вечер середины лета: сейчас, в девятом часу, воздух по-прежнему был напитан теплом и светом. Стемнеть должно было только около одиннадцати. Рэймонд снял куртку, продемонстрировав еще одну несуразную футболку: желтую с двумя мультипликационными петухами на груди. «Los Pollos Hermanos» – гласила надпись под ними. Что за бессмыслица.

Он посмотрел на часы.

– Сейчас куплю еды навынос в какой-нибудь забегаловке и поеду к своему другу Энди. Мы с чуваками тусим у него по вечерам в субботу, рубимся в «Плейстейшн», курим, пьем пиво.

– Какой заманчивый досуг, – сказала я.

– А ты? – спросил он.

Я, конечно же, направлялась домой, смотреть телевизор или читать книгу. Чем же мне еще заниматься?

– Вернусь к себе, – сказала я, – поздно вечером по BBC4 будет документальный фильм о комодских варанах.

Рэймонд вновь посмотрел на часы, а потом на бесконечное синее небо. На несколько мгновений все вокруг затихло, но вот где-то рядом послышался голос черного дрозда. Его пение было столь прекрасным, что едва не скатывалось в пошлость. Мы заслушались. Я улыбнулась Рэймонду, а он мне.

– Слушай, вечер слишком хорош, чтобы торчать в одиночку дома. Может, по пиву? Где-то через час мне придется уйти, чтобы успеть купить выпивки, но...

Его предложение нуждалось в тщательном рассмотрении. Я уже много лет не была в питейных заведениях, а Рэймонда едва ли можно было назвать интересным спутником. Но я быстро пришла к выводу, что такой поступок будет полезен сразу по двум причинам. Во-первых, станет для меня хорошей практикой, ведь если все пойдет по плану, Джонни Ломонд захочет на одно из наших свиданий пригласить меня в питейное заведение – а значит, мне будет нелишне заранее присмотреться к общей обстановке и правилам поведения в подобном окружении. Во-вторых, Рэймонд считался специалистом по компьютерным технологиям, а я в этой области нуждалась в совете. Если действовать по официальным каналам, подобные сведения могли обойтись мне в приличную сумму, в то время как сегодня я могла узнать обо всем совершенно бесплатно. Обдумав все, я решила принять его приглашение. Он смотрел куда-то вдаль. Я заметила, что за то время, пока я взвешивала все за и против, он успел выкурить полсигареты.

– Хорошо, Рэймонд, – сказала я, согласно кивнув головой. – Я схожу с вами и выпью какой-нибудь напиток.

– Супер, – ответил он.

В конечном итоге мы оказались у заведения на оживленной улице, в пяти минутах ходьбы от больницы. Один из столиков на террасе оказался свободен. На его металлической поверхности виднелись круглые пятна, ножки шатались, но Рэймонд, казалось, был в восторге.

– Столик на улице! – воскликнул он, радостно плюхаясь на стул и вешая на его спинку куртку. – Отлично, я в бар! Что тебе взять, Элеанор?

В груди затрепетал огонек недовольства. Во-первых, сидя здесь, я не смогу увидеть питейное заведение изнутри и понаблюдать за тем, что в нем происходит. А во-вторых, я не знала, что заказать. Что пьют обычные люди в питейных заведениях? Я решила взять ситуацию в свои руки.

– Рэймонд, в бар пойду я. Я настаиваю. Что бы вы хотели, чтобы я вам взяла?

Он попытался сопротивляться, но я твердо стояла на своем, и он в конце концов сдался, хотя выглядел немного недовольным. Я не могла уяснить себе, почему он поднял по этому поводу такой шум.

– Ну хорошо, мне пинту «Гиннеса». Но все-таки лучше бы я сходил.

Я оперлась обеими руками о стол и приблизила свое лицо к его лицу.

– Рэймонд, я приобрету напитки. Для меня это очень важно – по причинам, излагать которые мне бы не хотелось.

Он пожал плечами, кивнул, и я направилась к двери.

После яркого солнечного света внутри показалось слишком темно. И шумно – в больших динамиках пульсировала музыка незнакомого мне жанра. Место оказалось совсем не людным, у стойки я была одна. За стойкой работали двое: молодой мужчина и молодая женщина. Точнее, они были полностью поглощены беседой. Она то и дело откидывала свои крашенные желтые волосы и хихикала, как простолюдника, а он игриво похлопывал ее по плечу и преувеличенно громко, деланно хохотал. Наблюдать за человеческими брачными ритуалами невероятно утомительно. В царстве животных хотя бы иногда можно увидеть яркое оперение или впечатляющий акт агрессии. Потряхивание волосами и шуточная борьба до этого явно не дотягивают.

Мне стало скучно, и я трижды громко стукнула по деревянной стойке, будто в дверь. Они подняли головы. Я попросила пинту «Гиннеса», парень взял стакан и стал наливать из крана пиво.

– Что-нибудь еще? – спросил он.

Я все еще пребывала в нерешительности. Потом рассудила, что помогать посетителям в подобных ситуациях – часть их работы.

– А что бы мне посоветовали вы? – спросила я.

Он оторвался от созерцания темной струи, падавшей в глубокий стакан, и посмотрел на меня.

– А?

– Я говорю, что мне могли бы посоветовать вы? Мне очень редко доводится выпивать в публичных заведениях.

Он посмотрел по сторонам, будто ожидая увидеть кого-то еще. Повисла долгая пауза.

– Э-э-э... – протянул он. – Ну... у нас очень популярен «Магнерс»⁴. Можно со льдом. Для лета самое то.

– Спасибо, – ответила я, – в таком случае я, по вашему совету, возьму «Магнерс», пожалуйста.

Он открыл коричневую бутылку и поставил ее на стойку. Потом положил в высокий стакан немного льда и поставил рядом.

– Что это? – спросила я.

– «Магнерс».

– А пустой стакан зачем?

– Для «Магнерса», – сказал он.

– Вы хотите сказать, что я *сама* должна наливать из бутылки в стакан? – озадаченно спросила я. – Разве это не ваша работа?

Он уставился на меня, затем медленно залил лед коричневой жидкостью и с грохотом поставил бутылку обратно на стол.

– Восемь фунтов пятьдесят пенсов, – бросил он весьма нелюбезным тоном.

Я протянула ему пятифунтовую банкноту, отсчитала четыре фунта монетами, взяла сдачу и аккуратно положила ее в кошелек.

⁴ Ирландский сидр.

– Не найдется ли у вас случайно подноса? – спросила я.

Он небрежно протянул мне грязный, липкий поднос, понаблюдал за тем, как я ставила на него напитки, и отвернулся. До чего дурные манеры у работников так называемой сферы услуг!

Рэймонд поблагодарил меня за пиво и сделал приличный глоток. «Магнерс» оказался приятен на вкус, и я изменила свое мнение о юном бармене. Да, навыки обслуживания клиентов у него действительно хромали, но он, по крайней мере, мог дать дельный совет в плане выбора напитка. Рэймонд весьма некстати взялся рассказывать мне о своей матери, о том, что завтра он к ней поедет, как и каждое воскресенье. Она была вдова, и здоровье ее оставляло желать лучшего. У нее было много кошек, за которыми он помогал ей ухаживать. Он все бубнил, и бубнил, и бубнил. Я решила его перебить.

– Рэймонд, – сказала я, – могу я кое о чем вас спросить?

Он глотнул еще пива.

– Конечно.

– Если бы мне надо было приобрести смартфон, какую модель вы бы посоветовали? Я сравнила достоинства «Айфонов» и устройств с ОС «Андроид», но хотелось бы, так сказать, услышать мнение специалиста по поводу соотношения цены и качества.

Мой вопрос, казалось, удивил Рэймонда, что было странно, если учесть, что он работал системным администратором и к нему наверняка часто обращались за помощью в сфере новых технологий.

– Ну... – будто избавляясь от каких-то мыслей, он тряхнул головой, немного напомнив мне собаку. – Это зависит от множества факторов.

Он пространно изложил эти факторы, а затем, так и не придя к конкретному выводу, взглянул на часы.

– Вот черт! Мне пора бежать – перед тем как идти к Энди, нужно еще купить пива, уже почти десять.

Он опустошил свой стакан, встал и надел куртку, хотя было совсем не холодно.

– Доберешься домой одна, Элеанор? – спросил он.

– Разумеется, – ответила я, – немного пройду: вечер просто прекрасный, да и на улице еще не стемнело.

– Тогда все в порядке, увидимся в понедельник, – сказал он, – хорошего воскресенья.

Он направился к выходу, но тут я его окликнула:

– Рэймонд, подождите!

Он повернулся и с улыбкой посмотрел на меня.

– Что, Элеанор?

– «Гиннес», Рэймонд. Три пятьдесят.

Он уставился на меня.

– Я вас не тороплю, если вам удобнее, можете отдать в понедельник.

Он отсчитал монетами четыре фунта и положил на стол.

– Сдачу оставь себе, – сказал он и ушел.

Какая расточительность! Я положила деньги в кошелек и допила «Магнерс». Яблочный вкус придал мне отваги, и я решила немного отклониться от маршрута. Почему бы и нет? Пришло время отправиться на разведку.

8

Никакого ада, разумеется, нет, но если бы он существовал, крики и стенания проклятых душ сопровождалась бы песнями из мюзиклов. Там, на сцене, внутри объятый пламенем ямы без конца крутили бы произведения Ллойда Уэббера и Тима Райса, а грешники были бы обречены смотреть их – и слушать – до скончания времен. Самым худшим из них, растлителям детей и кровавым диктаторам, пришлось бы их исполнять.

За исключением изысканных творений некоего мистера Ломонда, мне еще предстоит найти предпочтительный для меня музыкальный жанр. По сути, это просто физика: звуковые колебания, волны и насыщенные энергией частицы. А меня, как и большинство психически здоровых людей, физика не интересует. Поэтому меня поразило, что я мурлычу себе под нос мелодию из мюзикла «Оливер!». Я мысленно поставила восклицательный знак, который, впервые за все время, оказался к месту. «Кто б купил мне чудный вечер?» А в самом деле – кто?

В одной из моих приемных семей была целая коллекция видеозаписей мюзиклов, которые мы прилежно смотрели по выходным в семейном кругу. Поэтому, как бы страстно я ни желала обратного, я прекрасно знакома с работами Лайонела Барта, Роджерса, Хаммерстайна и иже с ними. Осознание, что я стою «на улице, где он живет», порождало в душе странное чувство – трепетное, острое, граничащее с эйфорией. Я почти поняла, почему этому фигляру во фраке из «Моей прекрасной леди» захотелось орать эту песню под окнами Одри Хепберн.

Выяснить, где живет мой музыкант, оказалось нетрудно. Он выложил в «Твиттере» снимок восхитительного заката:

@johnnieLrocks

Вид из моего окна. Скажите, повезло?

#летовгороде #счастливчик

На нем были крыши, деревья и небо, но в углу фотографии, в самом конце улицы, виднелся паб, название которого можно было прочесть без особых усилий. Благодаря «Гуглу» я нашла его в считанные секунды.

На улице, как и на многих других в этом районе, располагались старинные многоквартирные здания. У надежных входных дверей висели таблички с именами жильцов и кнопки звонка для каждой квартиры. Вот правильная улица! С какой же стороны начать? «С четной», – решила я. Музыкант был человек уравновешенный и спокойный, поэтому ему больше шли четные числа. Мне предстояло разрешить загадку. Занявшись ею, я по-прежнему напевала. Я не могла припомнить, когда в последний раз я чувствовала себя такой легкой, искристой, ловкой. Я подозревала, что именно так и должно выглядеть счастье.

Смотреть на имена жильцов и на то, как они были написаны, оказалось очень увлекательно. Некоторые из них хозяйева просто нацарапали шариковой ручкой на стикере и небрежно налепили прямо на кнопку звонка. Другие набрали полужирным заглавными буквами, распечатали и приклеили тройным слоем скотча. Где-то имена и вовсе отсутствовали, были и такие, которые поблекли от солнца и дождя, и их никто не торопился заменить. Я искренне надеялась, что музыкант не из таких, но на всякий случай аккуратно вносила каждый подобный адрес в блокнот. Если, проверив все читабельные надписи, я его так и не найду, придется возвращаться обратно и отработывать безымянные квартиры.

Ах, ну как я могла в нем сомневаться? Он обнаружился, когда я прошла примерно пол-улицы, в самом четном из всех четных домов: *Мистер Дж. Ломонд, Эсквайр*. Я стояла у двери и внимательно вчитывалась в буквы. Их вывели аккуратным, стильным почерком классическими черными чернилами на плотной белой бумаге. Как это на него похоже.

Субботним вечером красивый и популярный молодой человек, у ног которого лежит весь мир, вряд ли станет сидеть дома, но я, просто чтобы почувствовать, каково это, легонько нажала на кнопку звонка кончиком указательного пальца. Раздался щелчок, потом до моего слуха донесся мужской голос. Сказать, что он застал меня врасплох, означает ничего не сказать.

– Алло? – повторил он.

Глубокий, хорошо поставленный, мелодичный голос. Мед и дымка, бархат и серебро. Я быстро пробежала глазами список других жильцов и выбрала наугад первое попавшееся имя.

– Доставка пиццы для... мистера Макфаддена? – спросила я.

Я услышала его вздох.

– Они живут на последнем этаже, – произнес он и повесил трубку.

Дверь зажужжала и со щелчком открылась. Недолго думая, я вошла внутрь.

Мой музыкант жил на втором этаже справа. Над дверным звонком висела скромная медная табличка с его именем. Я остановилась, прислушалась, но не смогла уловить ничего, кроме гудения лампы в подъезде да отдаленного шума улицы. Этажом выше громко орал телевизор. Я вырвала из блокнота чистый лист бумаги, наложила его на медную табличку, достала карандаш и стала заштриховывать выступающие части. Несколько мгновений спустя у меня в руках было сногшибательное факсимиле медной таблички, которое я аккуратно положила между страниц блокнота и убрала в сумку. Наружные двери были открыты, а та, что вела в его квартиру – типично викторианский стиль, красное дерево и матовое травленое стекло, – была соблазнительно близко.

Я подошла так близко, как только посмела. Изнутри не доносилось ни звука, движения тоже не наблюдалось. Мне показалось, я разглядела полку с книгами и картину. Человек высокой культуры. Как же много у нас общего!

Я замерла. Вот оно: нежные пальцы на вибрирующей стали; струна, трепещущая в воздухе, призрачно-кремовом, как свет старой-старой звезды. Голос: теплый, низкий, ласковый – голос кудесника, заклинателя змей, повелителя снов. Не устояв, я прильнула к двери и прижалась к стеклу. Он сочинял песню, искал нужные слова, музыку, *чувства*. Какая высокая честь – присутствовать в самый момент творения! Мой прекрасный Орфей пел о природе. Его голос... Ах, его голос!

Я откинула голову и закрыла глаза. Представила небо – черно-синее, мягкое и густое, как мех. В глубинах ночи, в ее бархатной бездне, искрился свет, способный тысячу раз рассеять любой мрак. Начали проступать узоры; пораженный взор выискивал завитки улиток, россыпи жемчуга, богов, зверей и планеты. Мы стояли неподвижно, но в то же время вращались вокруг своей оси и двигались по кругу, совершая вокруг солнца виток за витком, и головокружительный момент...

Музыка вдруг стихла, сменившись каким-то смутным движением. Я отпрянула и принялась торопливо взбираться по лестнице. Сердце в груди бешено забилося. Но ничего не произошло. Остановившись на лестничной площадке, я несколько минут подождала. Опять ничего.

Я на цыпочках спустилась вниз и вновь подошла к двери. Музыка возобновилась, но мне не хотелось его тревожить. В конце концов, я пришла сюда только посмотреть, где он живет. В этом нет ничего плохого. Теперь миссия выполнена.

Выбрасывать на ветер такие деньги было чистейшим безумием, но, оказавшись на улице, я махнула водителю проезжавшего мимо такси. Вечер хоть и выдался долгий, но теперь на дворе царила ночь, и я готова была взойти на борт. Плохие вещи случаются в темноте. По моим оценкам, такси до дома должно было стоить порядка шести фунтов, но у меня не было выбора. Я застегнула ремень и подняла стеклянную перегородку, отделяющую меня от водителя. У меня не было желания знакомиться с его взглядами относительно футбола, городского совета или какого-либо другого вопроса. Все мои мысли занимало только одно. Точнее, один.

Через пару часов я осознала, что заснуть после вечерней авантюры просто так не удастся. Я включила свет и посмотрела на свою ночную рубашку. У меня их две, на смену, чтобы одну можно было постирать, а другую надеть. Они совершенно одинаковые, длиной до лодыжек и с глухим воротничком. Сделаны из мягкого хлопка с начесом. Обе лимонно-желтые – этот цвет напоминает мне яркие леденцы; они не были частью моего детства, но все же это отрадный образ. Когда я была маленькой, мамочка порой угощала меня, кидая мне в рот фаршированные красным перцем оливки, а иногда – маслянистые анчоусы из красно-желтой железной банки в форме гроба. Она всегда подчеркивала, что рецепторы изысканного человека жаждут пряных и соленых вкусов, а дешевые сладости созданы на погибель беднякам (и их зубам). У мамочки всегда были очень острые, очень белые зубы.

Из сладостей она признавала только настоящие бельгийские трюфели («Нойхаус» – единственно верное название; а всякие отвратительные шоколадные ракушки покупали только туристы) да пухлые финики с базаров Туниса: и то и другое было довольно непросто найти в местном супермаркете. Одно время, незадолго до... того инцидента... она делала покупки только в роскошном «Фортнум'з». Как подсказывает мне память, тогда же она переписывалась с парижским магазином деликатесов по поводу некоторых кулинарных недостатков их вишневого конфитюра. Помню, на письмах были красивые красные марки: *Liberté, Egalité, Fraternité*⁵. Не совсем кредо моей мамочки.

Я сложила подушку пополам, села и подложила ее под спину. Сон все не шел, и мне требовалось успокоительное. Я сунула руку в проем между матрацем и стеной и нащупала старую верную подругу, края которой обтрепались и затерлись от долгих лет использования. «Джейн Эйр». Я могла открыть любую страницу этого романа и тут же понять, где оказалась, могла предугадать каждое последующее предложение, не подглядывая. Это был издававшийся вида томик издательства «Пенгвин», обложку украшал портрет мисс Бронте. Эскиз на внутренней стороне обложки гласил: *Воскресная школа приходской церкви Святого Евстахия, подарок Элеанор Олифант за отличную посещаемость, 1998 год*. Я получила в высшей степени экуменическое воспитание; моими опекунами были пресвитериане, англиканцы, католики, методисты и квакеры, плюс несколько индивидуумов, которые не узнали бы Бога, даже если бы он ткнул в них своим грозным микеланджеловским перстом. Я весьма неохотно поддавалась любым попыткам приобщить меня к религии. Но воскресные школы и их аналоги хотя бы позволяли на время сбежать из дома, где мне в тот момент приходилось жить. К тому же порой в школах кормили сэндвичами, а время от времени, правда, куда реже, можно было найти сносных собеседников.

Я открыла книгу наугад, будто вытаскивая билет из лотерейного барабана. Страницы распахнулись на одной из ключевых сцен, той самой, где Джейн впервые встречает мистера Рочестера в лесу и пугает его лошадь, вследствие чего он падает на землю. Там присутствует и Лоцман, красивый пес с пронизательными глазами. Если в романе и есть какой-то недостаток, то заключается он в редких упоминаниях Лоцмана. Слишком много собаки ни в какой книге быть не может.

Джейн Эйр. Странное дитя, которое непросто полюбить. Одинокий и единственный ребенок. Сколько страданий ей пришлось пережить в столь юном возрасте: утрата близких, нехватка любви. Но в конце получает ожог мистер Рочестер. Я знаю, каково это. Знаю досконально.

В самые темные ночные часы все кажется хуже; я удивилась, услышав, что птицы за окном все поют, хотя и будто бы несколько сердито. Летом, когда от света буквально некуда деться, беднякам, должно быть, едва удастся поспать. Полумрак, полная тьма... я помню, я помню. Бессонная ночь, два сердца по-кроличьи колотятся, дыхание острое, как нож. Я помню,

⁵ В переводе с французского «свобода, равенство, братство».

я помню... Я закрыла глаза. В сущности, веки – всего лишь шторы из плоти. Глаза всегда «в работе», всегда на что-то устремлены. Закрывая их, мы, вместо того чтобы смотреть на мир, смотрим на тонкую, испещренную маленькими сосудами кожуцу внутренней поверхности века. Не очень-то приятная мысль. Задержись я на ней подольше, мне наверняка захотелось бы выколоть себе глаза, чтобы они перестали смотреть, перестали постоянно *видеть*. Того, что я увидела, просто невозможно забыть. Того, что я сделала, не отменить.

«Подумай о чем-нибудь приятном», – говорили мне очередные приемные родители, когда я не могла уснуть или просыпалась ночью в поту, крича и плача. Банальный совет, но порой действенный. И я стала думать о Лоцмане, собаке Рочестера.

Я полагаю, что я спала – представляется невероятным, что я вовсе не сомкнула глаз, – но ощущение было такое, будто я провела бессонную ночь. Воскресенье для меня всегда загубленный день. Я стараюсь спать как можно дольше, чтобы убить время (старая тюремная хитрость – спасибо за подсказку, мамочка), но летним утром это может быть нелегко. Поэтому, когда в начале одиннадцатого зазвонил телефон, я уже несколько часов бодрствовала. Навела блеск в ванной, вымыла на кухне пол, вынесла мусор, а банки в кухонном шкафчике выстроила этикетками вперед в дзетавитном порядке. Почистила обе пары туфель, прочла газету, решила все кроссворды и разгадала головоломки.

Перед тем как ответить, я кашлянула, осознав, что говорила в последний раз двенадцать часов назад, когда сообщила таксисту, куда меня везти. Это было очень неплохо: обычно я молчу с вечера пятницы, когда называю водителю автобуса нужную остановку, до утра понедельника, когда здороваюсь с первым коллегой.

– Элеанор? – это, конечно же, был Рэймонд.

– Да, это она, – довольно резко бросила я. Боже правый, кого он еще ожидал?

Он колоссально закашлялся. Мерзкий курильщик.

– Э-э-э... Я просто хотел сообщить, что сегодня опять собираюсь к Самми. Может, хочешь со мной?

– Зачем? – спросила я.

Он на несколько мгновений умолк. Странно – вопрос вроде бы совсем не трудный.

– Ну... я звонил в больницу, и мне сказали, что ему намного лучше. Он пришел в себя, и его перевели в обычную палату. Мне кажется... я подумал, что было бы здорово ему с нами познакомиться, на тот случай, если у него будут вопросы о том, что произошло.

Я соображала не очень быстро, и у меня не было времени просчитывать все возможные последствия такого поступка. Не успела я опомниться, как мы уже договорились встретиться в больнице после обеда.

Я положила трубку и подняла глаза на часы, висевшие в гостиной над камином (куплены в магазине Красного Креста: ярко-синий циферблат с Могучими Рэйнджерами; мне всегда казалось, что они вносят в атмосферу комнаты нотку какой-то щегольской жизнерадостности). До нашего randevu оставалось еще несколько часов. Я решила не торопясь к ней подготовиться и осторожно посмотрела на себя в зеркало, дожидаясь, пока из душа пойдет горячая вода. Интересно, у меня получилось бы стать музой музыканта? И вообще, что такое муза? Классическое понятие, конечно же, было мне знакомо, но в наши дни, с практической точки зрения, муза – это просто привлекательная женщина, с которой художник хочет переспать.

Я представила себе все эти картины: чувственные девы, полулежащие в своем пышнотелом великолепии; хрупкие, как веточки, балерины с огромными ясными глазами; красавицы-утопленницы в белых прозрачных платьях, окруженные плавающими цветами. Ни пышнотелой, ни хрупкой меня назвать нельзя. У меня нормальное телосложение и такое же нормальное лицо (по крайней мере, с одной стороны). Интересно, бывает ли так, что мужчина, глядясь в зеркало, находит себя глубоко ущербным? Листая журнал или смотря фильм, видят

ли мужчины исключительно необычайно красивых молодых людей, и не чувствуют ли они себя неполноценными и униженными оттого, что сами не так молоды и не так красивы? Читают ли они статьи, насмехающиеся над теми же самыми красавцами, если те пополнели или надели неподходящий наряд?

Все это, конечно, риторические вопросы.

Я еще раз взглянула на себя. Я здорова, и у меня крепкое тело. У меня есть мозг, который хорошо работает, и голос, хотя и немелодичный: много лет назад ингаляция дыма неоправимо повредила мои голосовые связки. У меня есть волосы, уши, глаза, рот. Я самая обычная женщина, ни больше, ни меньше.

Даже поврежденная, уродская половина моего лица лучше альтернативы в виде мучительной смерти в огне. Я не обратилась в пепел и вышла из пламени, как маленький феникс. Мои пальцы нежно пробежали по контурам шрама. Нет, мамочка, я не сгорела, подумала я. Я прошла сквозь огонь и выжила.

На моем сердце тоже остались шрамы – такие же широкие и безобразные, как и на лице. Я знаю: они там. Я надеюсь, что в сердце остались еще неповрежденные ткани, крохотный участок, способный любить. Надеюсь.

9

Рэймонд ждал меня у входа в больницу. Я увидела, как он наклонился и щелкнул зажигалкой, давая прикурить какой-то женщине в инвалидном кресле: вместе с собой она прихватила капельницу на колесиках и теперь могла разрушать свое здоровье в то самое время, когда врачи пытались его восстановить на деньги налогоплательщиков. Рэймонд разговаривал с ней, пока они оба дымили. Он склонился к ней, что-то сказал, и дама залилась смехом старой карги, тут же сменившимся приступом затяжного кашля. Я осторожно приблизилась к ним, опасаясь, что тлетворное облако окутает меня, оказав тем самым губительный эффект. Увидев меня, Рэймонд погасил окурочек и неторопливо двинулся мне навстречу. На нем были джинсы, сидевшие отвратительно низко на его ягодицах. Когда он повернулся ко мне спиной, я заметила неприятную полоску нижнего белья – жуткого лилового цвета – и покрытую веснушками белую кожу, напомнившую мне шкуру жирафа.

– Привет, Элеанор, – сказал он, зачем-то потирая руками бедра, будто желая избавиться от грязи, – как дела?

К моему ужасу, он склонился ко мне, будто желая обнять. Я отступила на шаг назад, но все же успела вдохнуть табачный дым, к которому примешивался еще какой-то неприятный запах, химический и едкий. Подозреваю, что это была недорогая марка мужского одеколора.

– Добрый день, Рэймонд, – ответила я, – пройдем внутрь?

Мы вошли в лифт и поднялись наверх, где располагалась седьмая палата. Рэймонд утомительно долго повествовал о событиях минувшего вечера: они с друзьями «погудели на отлично», что бы это ни значило, выполнили миссию в Grand Theft Auto, а потом играли в покер. Я не очень понимала, зачем он все это мне говорит. Я совершенно точно ни о чем не спрашивала. Наконец он закончил свой рассказ и полюбопытствовал, как прошел мой вечер.

– Я провела небольшое исследование, – ответила я, не желая марать столь светлое событие, рассказывая о нем Рэймонду. И воскликнула: – Смотри! Седьмая палата!

Он тут же отвлекся, будто ребенок или домашний зверек. Перед тем как войти, мы по очереди продезинфицировали руки спиртосодержащей жидкостью. Безопасность превыше всего, хотя моя несчастная изувеченная кожа еще не оправилась от прошлой дерматологической атаки.

Самми лежал на последней кровати, у самого окна, и читал газету. Пока мы приближались, он обзирал нас поверх своих очков. Поза его выражала недружелюбие. Рэймонд кашлянул.

– Здравствуйтесь, мистер Томм, – сказал он, – я Рэймонд, а это Элеанор.

Я кивнула старику. Рэймонд продолжал:

– Мы... мы видели вас во время вашей передряги, и я с вами поехал на «скорой» в больницу. А сегодня просто зашли вас навестить, узнать, как идут ваши дела...

Я наклонилась к нему и протянула руку. Самми уставился на нее.

– Как-как? Кто вы, говорите, такие?

Он выглядел встревоженным и весьма агрессивным. Рэймонд принялся объяснять ему по новой, но Самми вытянул руку ладонью вперед, веля замолчать. Несмотря на то, что на нем была белая полосатая пижама, а мягкие седые волосы торчали в разные стороны, как у птенца голубя, выглядел он на удивление внушительно.

– Помолчите, обождите минутку, – сказал он, потянулся к прикроватной тумбочке и что-то с нее взял.

Я непроизвольно отступила на шаг назад – кто знает, что он достанет оттуда! Самми засунул в ухо какой-то предмет, немного повозился, и что-то коротко, пронзительно пискнуло. Звук замер, и старик улыбнулся.

– Ну вот, так-то лучше, – сказал он. – *Теперь* пес может увидеть кролика, правда? О чем вы мне тут толкуете? О церкви, надо полагать? Или опять пытаетесь впарить мне телик? Мне не надо, сынок, – я уже говорил твоим друзьям. Я никогда не выложу приличную сумму только за то, чтобы лечь перед говорящим ящиком и смотреть всю эту дрянь! На толстух, танцующих бальные танцы, и здоровых мужиков, выпекающих торты, – упаси меня бог!

Рэймонд снова кашлянул и представил нас еще раз. Я тем временем наклонилась и пожала Самми руку. Выражение его лица молниеносно изменилось, и он одарил нас лучезарной улыбкой.

– Ага, так это были вы, ребята! Я уже достал медсестер расспросами о том, кто спас мне жизнь. «Кто привез меня сюда?» – спрашивал я. «Как я здесь оказался?» Но они не могли объяснить. Что же вы стоите? Садитесь, подвигайтесь поближе и расскажите о себе. Я даже не знаю, как вас благодарить за то, что вы сделали! В самом деле не знаю!

Он кивнул, и его лицо приняло самое серьезное выражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.